

Лев Протасов

Красные озера

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Лев Протасов
Красные озера

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Протасов Л. А.

Красные озера / Л. А. Протасов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В отдаленной северной глуши жизнь течет подобно реке – медленно, размеренно и однообразно. До тех пор, пока внутри горы рядом с поселком не начинается строительство медеплавильного завода. Поистине мистические перипетии ждут жителей после загадочной гибели грачей, десятилетиями обитавших в этих местах. В этом и многих других невероятных событиях пытаются разобраться герои романа: Лука и его друг Петр Радлов – первопроходец и инициатор строительства... Содержит нецензурную брань. В оформлении обложки использована иллюстрация автора.

© Протасов Л. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть первая. Лиза	6
Глава первая. Севернее	6
Глава вторая. Царица	9
Глава третья. Некоторые тревожные признаки	14
Глава четвертая. Царицына дочь	24
Глава пятая. Прихоти освещения	29
Глава шестая. Бусы. Разгром	34
Глава седьмая. Побег	41
Глава восьмая. Поиски Лизы	43
Глава девятая. Трубы	47
Глава десятая. Грянуло	53
Глава одиннадцатая. Птицы	63
Часть вторая. Черная голова	66
Глава двенадцатая. После похорон	66
Глава тринадцатая. Шалый	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

...все равно истины нет на свете или, быть может, она и была в каком-нибудь растении или в героической твари, но шел дорожный нищий и съел то растение или растоптал гнетущуюся низом тварь, а сам умер затем в осеннем овраге, и тело его выдул ветер в ничто.

Андрей Платонов, «Котлован»

Часть первая. Лиза

Глава первая. Севернее

Дома стояли на черном, как зола, песке, и сами эти дома были черны и изувечены, так что казалось, будто вся земля от излучины реки до линии горизонта выжжена и непригодна для жизни.

Но на земле жили.

Жили какие-то жалкие люди с лошадиными спинами и обветшалыми лицами – притирались друг к дружке вплотную от немого одиночества, копошились у каждого строения, серые как тени. А откуда-то сверху шел дым – невесомостью ложился на плечи да гнул к земле.

Селение выглядело столь плачевно далеко не всегда. Оно появилось вокруг озера Шонкар плотным кольцом времянок еще в ту далекую пору, когда крестьяне получили возможность переселяться по своему усмотрению, и впоследствии разрослось даже в небольшую, но вполне благополучную деревушку.

К слову, озеро носило свое имя задолго до появления деревни. Шонкар, как известно, с башкирского наречия – кречет, сокол. Однако в здешних краях ни кречетов, ни башкир никогда не бывало – можно лишь предположить, что некий путешественник, впервые обнаруживший водоем, подарил ему название на языке своих предков, отсюда вся неразбериха. Впрочем, достоверно это никому неизвестно, а уж как случилось на самом деле – кто знает, прошлое вообще туманно.

Селение основали крестьяне, сошедшие с насиженных мест в поисках лучшей жизни. Да и пришли-то, вероятно, с близлежащих разоренных поместий, где с голоду помирали.

Лучшей жизни бродяги, конечно, так никогда не увидели, но, по крайней мере, обустроились не хуже ранешнего.

Неизвестно, почему выбор их пал на местность настолько сомнительную – озерцо, как водица на дне стакана, плескалось на дне земляной язвы, пробуравленной временем и ветрами в центре старой разрушенной горы. Оно питалось от обильных подземных вод, которые просачивались наружу и наполняли собой все впадины и ямы. Там, где вода стояла подолгу, образовывались небольшие ставки. Всюду кругом них горбились зубчатые холмики, а поверхность была каменистая да нищая.

Хотя были и кое-какие преимущества. Склоны старой горы защищали от ветров и приходивших с ветрами напастей – вроде резких заморозков или чересчур обильных осадков. И пришлые люди выбрали участок под пашню, поближе к реке, впадающей в озеро, очистили тамошнюю почву от камней, научились правильно ее обрабатывать и удобрять – со временем урожай всходил сносный. Выращивали картофель для себя да мелкую пшеницу для скотины.

Вообще жизнь в поселке у озера текла скучная, размеренная, ничего толком не происходило. Разве что лет двадцать назад нашли медную жилу на склоне разрушенной горы. Говорили о создании медеплавильного завода, даже котлован под фундамент вырыли, пригнали строительные машины. Но машины стояли мертвым грузом в тени холмов, словно как бы смущенные своим бездельем, а широкая рытвина под будущий завод пустовала да, подобно прочим углублениям, медленно заполнялась сочащейся из-под земли водой, вперемешку с песком и грязью.

Жители такому раскладу только радовались – не хотелось им завода. То были люди степные, молчаливые, от многих веков тяжелой жизни угрюмые, ибо угрюмость эта по наследству передается, от отца к сыну – у крестьян все передавалось от отца к сыну, так принято.

Оттого держались они привычного уклада, держались крепко, а поскольку всякое строительство, как известно, прежнюю жизнь разрушает – медеплавильному производству противились.

Выделялся-то на общем фоне, пожалуй, один лишь Лука. И за добычу меди ратовал, и уклад не вполне принимал, и вообще выглядел нелепо со своей вечно улыбочивой физиономией да чудаковатыми рассуждениями посреди общественно одобряемой скуки. Впрочем, соседи к нему относились благосклонно – немудрено, Лука ведь единственный в целом селении занимался починкой обуви, а куда на полевые работы в рваной обуви! Прозвище только дали ему – «счастье» – вроде как с издевкой, чтоб улыбался поменьше.

Увы, поменьше улыбаться он, на свою беду, не мог. Да и не улыбка то вовсе – так, уголки рта кверху вздернуты, с правой стороны особенно. В детстве, лет в шесть, Лука упал в один из замерзающих по осени ставков, пробил своим туловищем хлипкую ледяную корку и начал тонуть. Его тут же вытащили, откачали да через весь поселок понесли домой. А одёжка-то насквозь вымокла, потому мальчик не только подхватил воспаление легких, но и застудил себе лицо да какой-то внутри лица крошечный нерв.

От воспаления ребенка дедовскими методами кое-как излечили, на ноющую же боль в голове внимания никто не обратил. Застуженный нерв впоследствии сыграл с несчастным злую шутку – рот его на всю оставшуюся жизнь застыл этакой легкой усмешкой, глаза сощурились, словно кожа вокруг них резко обмякла да сморщилась, вдобавок при каждом приеме пищи слезы сами собой навораживались и текли без остановки.

Побороть блаженную ухмылочку Лука вполне умел, прилагая к тому страшное мышечное усилие. Правда, схватки с собственным лицом изматывали донельзя и применялись крайне редко, ради исключительно грустных событий – к примеру, когда Лука жену схоронил, потом три дня почти с каменной челюстью на всех озирался, до судорог себя довел.

Местные жители с медициной, ясное дело, не дружили, в терминологии не разбирались, втолковать им про застуженный нерв не вышло – потому ухмылку незадачливого соседа чаще всего воспринимали как признак насмешливости и высокомерия.

Что до его чудаковатых рассуждений – Лука-счастье читал иной раз книги, даже в город за ними ездил, да любил вечерами уходить как можно дальше от поселка, вглубь леса или вниз по берегу реки, и не для сбора ягод или охоты, а так, знаете ли, природой любовался или архитектурными красотами (на юго-востоке от деревни как раз высилась громада старинного С-кого монастыря – здание хотя обветшало, а человеку непосвященному было на что поглядеть).

Подобные душевные упражнения вызывали в нем приятную меланхолию и развязывали язык, и рассуждал тогда отщепенец о мире, о месте в нем человека, о том, зачем люди на свет появляются, куда после уходят... ему, конечно, отвечали – на кладбище, мол, уходят – да вопрошавшему иного ответа хотелось, а какого именно, того не только жители не ведали, но и сам он не ведал и мучился недосказанностью.

Жена померла лет десять тому назад от неустановленной болезни, похоронили ее на местном кладбище, у самых болот, от прочих могилек немного в сторонке. Лука туда совсем редко ходил – в груди щемило всякий раз да как будто жить не хотелось (и ведь действительно не по-настоящему, а только *как будто* не хотелось). Мыслей же подобных следовало избегать, потому хотя бы, что изгой по смерти супруги остался с малолетним сыном на руках, по имени Илья. Сына надо было кормить, обучать, воспитывать – не до праздных фантазий о смерти.

Теперь мальчик вырос и превратился в высокого тощего юношу двадцати двух лет. На своего рослого, физически крепкого отца, у которого, кроме поврежденного нерва, болезней никаких не наблюдалось во всю жизнь, юноша не походил совершенно – нездорового вида, непригодный к тяжелому труду, мягкий, как женщина, с хлипкими ручками да скошенным, безвольным подбородком. Деревенские, на него глядя, только руками разводили. Впрочем, девушкам молодой человек нравился – за большие выразительные глаза и отсутствие грубости в поведении.

Лука в сыне души не чаял. Жену-то он не сберег, так хоть отпрыску, перенявшему все черты матери, мечтал обеспечить достойное будущее. Ни о каком будущем в поселке речи не шло – тут ведь не жизнь, а натуральное выживание. Нет, Лука лелеял мысль отправить сына на учебу в столицу, для чего деньги старательно копил: вот сошьет десять пар сапог, поедет в какое-нибудь соседнее село, на рынке распродаст, а всё, что выручил, в подпол положит – до копеечки.

Однако, когда нужная сумма наконец собралась, ехать в город Илья отказался. Он любил местную девушку по имени Лизавета, немногим его старше, та отвечала довольно горячей взаимностью, и бросить их не очень умелые, но страстные игры юноша не посмел.

Лука Лизавету знал близко, даже принимал участие в ее воспитании, и против такого союза нисколько не возражал. И все же уговаривал Илью уехать, настаивая на том, что если тот сумеет выучиться и закрепиться в столице, то избранница с гораздо большей охотой пойдет за него замуж.

Лиза была дочь Радловых, Петра и Тамары. А если не грешить против истины, то исключительно одной Тамары, так как Петр являлся лишь отчимом. О настоящем отце сведений не имелось, кажется, даже у матери девочки – то она рассказывала, что соблазнилась приезжим музыкантом, который затем обокрал ее и улетучился подобно ветру, то упоминала о связи с каким-то высоким чиновником, открестившимся от неудобной семьи, то вовсе указывала на кого-нибудь из односельчан шутки ради. Впрочем, Лизавете уж двадцать шесть лет почти, стоит ли с таким рвением выискивать мимолетное увлечение ее родительницы, приключившееся четверть века назад.

Лука в Тамару некогда был сильно влюблен, до женитьбы еще, женщина тоже относилась к нему благосклонно, однако на предложение замужества ответила категорическим отказом и вскоре закрепила союз с более зажиточным Петром Радловым – он, мол, по здешним меркам богат и ребенка сумеет обеспечить. Многие в деревне считали родным отцом Лизы именно Луку, надо сказать, ошибочно – на момент их с Тамарой встречи у последней дочка уже родилась на свет. Тем не менее, чудак к чужому ребенку прикипел и помогал с ней на протяжении долгих лет, и даже до сих пор привязанность эта сохранилась.

Петр, тамарин муж, был мрачный, грузный, но совсем незлобивый. В положение Луки он вполне вник и всегда был рад видеть незадачливого соперника у себя в гостях. Так отщепенец сделался другом семьи и для Лизы почти наставником, таким добрым дядей. Ни после женитьбы, ни после рождения сына (Лизе на тот момент три года исполнилось) родительское чувство его к чужому дитя не охладело, потому, несмотря на плодившиеся в селении неприятные слухи, Радловых он навещал весьма часто.

Девятого марта Лука тоже к ним направлялся, дабы обсудить возможное будущее Елизаветы и Ильи. Ноги его мерно вышагивали по блеклой, мерзлой поверхности у края котлована, а вокруг простиралось скучное, серенькое селенье, зажатое со всех сторон обломками древней горы. Дома громоздились деревянные, приземистые и совершенно убогие...

...но были ли эти дома черны в тот день?

Нет.

Они еще не были черны.

Глава вторая. Царица

Тамара Радлова в девичестве была Колотовой и происходила из далеко не самой бедной семьи в поселке.

Отец ее, смолоду не сумев найти подходящее занятие в родных краях, часто ездил на заработки в другие города и невесту тоже привез из большого какого-то города, с юго-запада. Звали девушку Инна. К сельскому быту она была совершенно не привыкшая, однако ехать согласилась – уж больно приглянулся ей Колотов значительной своей силой да покладистым характером.

Девушка была мила, но не была красива, и привлекла будущего мужа отнюдь не внешними данными. Сыграла роль скорее ее заботливость – есть такие натуры, коим непременно нужно о ком-то заботиться, и отдаются они этому со всей страстью, проявляя подчас неуместное рвение. С подобными-то натурами можно ощутить себя «как у Христа за пазухой». Быстро оценив все выгоды, Колотов не стал слишком тянуть, сделал девушке предложение да увез к себе.

По прибытии Инна обнаружила еще одну черту своего характера – практичность, столь необходимую для ведения хозяйства. Муж лишний раз убедился в правильности выбора, женщина же с удовольствием принялась обустраивать дом, облагораживать участок вокруг него, наводить порядок – одним словом, вить гнездышко. Многого не умела как человек городской и оттого неприспособленный, но соседки, видя у приезжей неподдельный интерес к здешнему быту, помогали ей да вскоре всему обучили. Так в новоиспеченной семье и сложилось – жена занималась домашними делами, муж мотался по округе в поисках заработков. Надо сказать, заработки он всякий раз находил, причем неплохие, так что Инна жила в достатке. Увы, деньги не очень-то помогли, ибо когда редкие семейные радости поутихли, а пелена любовного опьянения спала с томных глаз, женщина вдруг обнаружила себя не только в беспросветной глуши, но и в одиночестве, и для укрепления на ладан дышащего союза спешно озаботилась рождением ребенка.

Ребенок не преминул появиться, вроде как от мужа, хотя у некоторых местных на этот счет возникали справедливые сомнения – муж-то в поселок приезжал редко, а приехав, проявлял по отношению к супруге особую холодность, при которой беременность никоим образом невозможна.

Впрочем, от мужа или нет, родилась на свет хорошенькая девочка с черноволосой аккуратной головкой и большими, на все в мире с недоумением смотрящими глазами. Мать, не долго думая, назвала дочку Тамарой – то ли по наитию, то ли внезапно вспомнив свои грузинские корни, мимолетно затесавшиеся где-то в начале родословной и сделавшие волосы новорожденной черными, как смоль. В шутку Инна нередко говорила дочери: «ты у меня красива, как царица Тамара», хотя красота той царицы по нынешним меркам, мягко говоря, сомнительна.

Однако появление ребенка семью не спасло. Ни ревности из-за распространившихся по деревне слухов, ни особенной любви к чаду Колотов не проявил – по-прежнему он надолго куда-то уезжал, привозил домой деньги да тут же уезжал вновь.

А однажды не вернулся совсем. Правда, средства к существованию для жены и нежеланной дочери еще около полугода высылал почтой, как бы сообщая, что не погиб, не сгинул в неведомых краях, а всего лишь обзавелся новой возлюбленной, под боком – оно под боком-то всегда удобней.

Инна, оставшись одна в практически чужом для нее месте, стала понемногу замыкаться в себе, будто защитной скорлупой покрывалась. Впрочем, дочь обожала чуть ли не до умопомрачения – баловала, как умела, тяжелому труду не обучала да потакала любым прихотям. И

даже как будто не просто потакала, но искала хоть малейшую возможность прихоти эти выискать, угадать да утолить задолго до того, как ребенок сам их озвучит. Девочка росла посреди этого болота материнской любви изнеженной да жутко капризной.

Но шли годы, Инна черствела, забота ее потихоньку перерастала в неустанную опеку, а позже – запреты и ограничения. А Томочка слова «нет» с детства не слышала, потому родительницу начала откровенно ненавидеть, почти рефлекторно сопротивляясь ее воле. Много было наделано глупостей тогда: уходы из дома, прогулы в школе, мелкое воровство, и ведь не ради удовольствия даже, а исключительно *вопреки* – мол, если мать сказала так, то непременно надо все силы положить на то, чтобы вышло наоборот.

Уж тогда и мать стала на Тамару злиться – за собственную загубленную жизнь, фактически принесенную в жертву ради ребенка, за неблагодарность, а больше за то, что этот самый ребенок теперь бездарно уничтожал придуманное для него же большое будущее, совершенно к нему не стремясь.

Потом была попытка вывести дочь в люди – потратив все накопления, Инна отправила девушку в столичный университет.

Но и там умудрилась Тома все испортить – связалась с какими-то музыкантами, забросила обучение, вроде как даже бродяжничала. Устав от вольготной жизни, она устроилась на работу куда-то в архив, а через полгода нежданно-негаданно вернулась домой – зареванная, напуганная, с двумя сумками вещей и недвусмысленно раздутым животом. Мать ни слова тогда не сумела вымолвить – плакала да бесилась молча, от отчаяния заламывая руки.

Когда Тамара родила – тоже девочку и тоже хорошенькую – Инна совсем обезумела да готова была роженицу со свету сжить. Выгоняла ее из дома, заставляла ночевать на улице, кричала, что хоть внучку воспитает правильно, а Тома ей вовсе не дочь, а так, блудливое *что-то*. Даже к девочке, которую называли Лизаветой в честь прабабки, подпускала лишь во время кормления.

Тамара сделалась совсем блеклой, понурой, истошилась донельзя. Царственного в ней, невзирая на исторически значимое имя, не осталось нисколько, и строки Лермонтова:

*Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла, –*

к женщине совсем не подходили. Вроде и прекрасна, да сплошь с изъянами, осунувшаяся, белая, как смерть; хоть и зла, да не по природе своей, а больше от гнета семейных ссор. Коварство, пожалуй, одно только и замечалось – уж оно от особенностей воспитания родилось, избалованные дети всегда почти хитры и изворотливы. Вообще истории, когда девочку растят как царственную особу, а получается обыкновенная земная женщина – всегда печальны, но до боли известны всякому.

Коварство, к слову, очень пригодилось Томе, когда пришлось озаботиться проблемой замужества, ибо с матерью жить становилось неважно, а из деревенских жителей особу, нагулявшую по молодости лет ребенка, никто не возьмет.

Тут и подвернулся Лука – Лука добрый, Лука-*счастье*. Некрасив, конечно, но покладистый, с руками; что же до вечной улыбки – с лица воды не пить, как говорится.

Сам он давно уж в женщину влюбился, однако подойти не смел, стесняясь своей внешности. Потому не было предела его радости, когда Тамара невзначай намекнула, что ей нужна помощь с ребенком, ибо мать совсем из ума выжила. Лука стал ежедневно навещать в гости, играл с маленькой Лизаветой, помогал по дому, втайне сгорая от неназванной страсти. Вскоре и Томочка к нему вроде как прикипела, и то, что началось с холодного расчета, понемногу перерастало в нечто большее – в чувство, если угодно. Чувство это нарождалось мед-

ленно, зрело в обоих, лишь изредка давая о себе знать несмелыми касаниями, и уже должны были прозвучать пламенные признания...

...но не прозвучали, ибо в селении появился некто Радлов.

Радлов, Петр Александрович, приехал из самой столицы, да не абы как, а на собственной дорогой машине, что, конечно, наделало в округе шума. Чужак обладал весьма впечатляющей внешностью – впечатляла, впрочем, не красота, ибо ее в помине не было, а скорее внушительные габариты. Он был страшно толстый, с необъятным туловищем, мощными ногами, которые при ходьбе вдавливали в землю, как столбы, огромными лапищами и крупными чертами лица. Под тяжелыми складками, опоясывающими его тело, замечалась физическая мощь, способная раскрошить любое препятствие в прах.

Мужчина тут же приобрел приглянувшийся дом у одного местного горемыки, причем сторговался таким образом, что прежний хозяин просто не мог не согласиться да через день покинул селение. Непринужденная легкость, с которой приезжий совершил покупку, вкупе с приличным автомобилем и барскими замашками явно указывали на богатство – богатые же, как известно, предпринимают что-нибудь этакое либо от скуки, либо с целью преумножения своего капитала. Местные принялись на этот счет гадать, по деревне поползли слухи.

Говорили о Радлове много, и много плохого – то крайнюю расточительность припомнят, указывая на покупку жилища, то, наоборот, про скупость затынут, иначе, мол, состояние не нажить. Иные вовсе утверждали, будто и нет никакого состояния, а так, одно притворство. Последние-то, пожалуй, почти угадали, ибо был Радлов ни щедр, ни скуп и нисколько не расточителен, да вот средства его действительно поиздержались и оскудели.

Впрочем, до тех пор, пока это не открылось, на женскую половину населения приезжий производил до невозможности сильное впечатление – таинственностью своей и обеспеченностью. Приглянулся он тем же и Тамаре, и женщина потихоньку начала обдумывать, как бы чужака привлечь. Даже от Луки отгородилась, но не слишком – ровно настолько, чтобы в случае неудачи можно было запросто обратно сойтись, объяснив все плохим настроением.

Когда же подробности из жизни чужака стали раскрываться, интерес деревенских жительниц заметно угас.

Петр Александрович нажил капитал в другом поселении, где наладил добычу полезных ископаемых, да беспечно от нее кормился, пока месторождение не иссякло. Тогда отправился он в столицу, попытать свои силы и тоже по возможности наладить какое-нибудь дело, но что-то не пошло – человек хотя предприимчивый, да не столичный совсем, воздух продавать не умел.

В какой-то момент обнаружилось, что нажитый прежде капитал от городской жизни чахнет, и Радлов решил пройти проторенной дорожкой – отыскать поблизости местность, в которой имелись бы признаки тех или иных полезных руд, вложить в предприятие остатки капитала и вновь, что называется, встать на ноги. Так уж вышло, что требованиям его отвечала лишь сердцевина старой горы, где ютилось здешнее поселение.

Жители разузнали об этом замысле, из случайных разговоров да обмолвок по крупицам собрали все сведения да тут же подняли чужака на смех, потому как всю жизнь внутри разрушенной горы прожили, но что-то ни о каких глупостях навроде руды не помышляли. Препятствия чинить они, конечно, не стремились, а вот поиздеваться могли запросто. К примеру, когда Радлов отправлялся бродить по холмам, какой-нибудь пьянчуга обязательно кричал вдогонку:

– Что, Радлов, нашел свою нефть? – после чего принимался хохотать, как умалишенный. Примечательно, что пьянчужки эти чередовались, будто некий негласный дозор, однако выкрикивали всякий раз одно и то же – то ли ум нетрезвый скуден на выдумки, то ли стоворились все.

Только нипочем все было Радлову – ежедневно на восходе солнца отправлялся он к зубчатым глыбам, торчащим из-под земли вокруг поселка. Карабкался по крутым откосам, выди-рал голыми руками засохшие корневища деревьев, рвал кустарник. Ворочал огромные валуны, разламывал камни в крошку, ползал по склонам – неуклюжий и жуткий, словно доисториче-ский ящер – да все искал, искал, искал. Уж неизвестно, на что он опирался в своих исследо-ваниях: то ли на опыт прошлых лет надеялся, то ли познания какие имел академические, а то ли чутью доверял.

Прошло время, позабыли все о чудаковатом гиганте, копающемся в останках горы, Тамара вновь бедного Луку к себе подпустила, смирилась, как вдруг по деревне слух прошел – мол, отыскал Радлов нефть-то.

И действительно отыскал, только не нефть вовсе, а довольно богатую медную жилу.

Почти сразу Петр Александрович отправился в Город – ему предстояло найти партнеров для финансовой поддержки, ибо собственный капитал, увы, был чересчур мал для столь мас-штабного предприятия, и оформить документы, позволяющие начать разработку месторожде-ния и строительство медеплавильной фабрики.

Пока Радлов ездил, у Инны Колотовой состоялся с Тамарой долгий разговор, во время которого мать убеждала последнюю внимательней к чужаку приглядеться, партия-то весьма завидная.

– Уж Луки твоего побогаче, – убеждала Инна. – Человек практичный, выгоду извлечь умеет, не то, что наши мужики. С ним и дочку всем обеспечишь. Хоть ее, родимую, в люди выведешь, коли сама дура.

Вот только душой Тамара не была вовсе, потому по возвращении Петра Александро-вича (получившего, к слову, и поддержку, и разрешение на строительство) мгновенно с ним сошлась. Как именно это произошло – достоверно никто не знает. Может, Томка на глаза ему в нужный момент попала, женщинам подобные хитрости превосходно подчас удаются. С тех пор стали их всюду вместе наблюдать, а вскоре и свадьба без лишних проволочек состоялась.

Безумной любви в этом союзе ни с той, ни с другой стороны не замечалось, однако союз вышел крепкий, на обоюдном расчете прочно выстроенный. Выгода женщины тут ясна до боли – всякому приятно жить в достатке. Радлов же, дожив до того возраста, когда от одиночества устают, то есть до тридцати с малым лет, спутницу искал по себе – холодную что умом, что по характеру, практичную и такую, чтоб в общество вывести не стыдно было. Под столь красоч-ное описание в селении, пожалуй, одна только Тома и подходила, ибо одни красивы, да темпе-раментом горячи, другие милы и тактичны, но не в ладах с хозяйством, а те, которые умеют поддерживать домашний очаг – сплошь обделены приятной внешностью.

Луку, правда, местные жалели очень – нехорошо с ним обошлись, бесчестно, к ребеночку не родному приучили, словно к своему, а затем оторвали. Уж так он убивался, так горевал, что даже Радлов сжалился и разрешил видаться с маленькой Лизой.

– Все равно, – говорил, – хоть и не родной отец, а Лизка к нему привыкла, грех разлучать.

Да и удобно получалось – из-за подготовки к строительству Петр до того уставал, что никак не мог наладить отношения с падчерицей, Тома с утра до ночи в домашних заботах, а так хоть было, кому с ребенком играть.

Однако странная история – сразу после свадьбы с заводом, как назло, не заладилось. Местные шептались, оттого это, что Луку обидели, Лука ведь хотя чужак, да человек славный (как же не славный, коли всей деревне сапоги чинит и тем живет – не бесплатно, конечно, чинит, но дурно о нем лучше не отзываться, иначе, чего доброго, подошва отвалится или швы разойдутся; в поле сыро, ноги вымочишь да на всю осень сляжешь, урожай пропадет, зимой придется с голоду пухнуть; верно, если от кого зависишь – ему полезнее сочувствовать, чем насмехаться).

Собственно, котлован под будущий завод вырыли, целая бригада городских рабочих орудовала, технику пригнали как для закладки фундамента, так и для самой разработки месторождения, но потом вдруг по неизвестной причине отозвали разрешение на работы. Котлован стоял пустой, глубокий и рваный, словно земля раскрыла пасть, желая по кусочкам проглотить поселок. В темное время суток был он черный, как сама ночь, днем походил на разрытую могилу со скользкими стенками, солнце каждый вечер пропадало в его недрах.

Обескураженный Радлов несколько раз ездил в столицу, к властям, но без толку. В отчаянии обратился он к своим новоиспеченным партнерам, давшим часть денег, и те мягко намекнули, что вообще-то работу можно продолжить и с документами все уладить, однако лишь в том случае, если капитал завода будет переписан на них. На все возражения отвечали, что сам Петр Александрович сумеет отбить потери в процессе производства, так как займет должность управляющего.

В итоге сговорились на том, что Радлов все-таки сохраняет небольшую долю собственности – чуть меньше десяти процентов, – занимает обещанную должность, а от прочих претензий отказывается. Впредь обманутый предприниматель зарекся связываться со столичными партнерами, так как очевидно, что все они мошенники, и вернулся в деревню налаживать строительство в новом качестве. Окончательно отказаться от своего детища он не мог – даже от десятой доли барыши ожидалось нехилые.

Увы, здесь ожидало его новое разочарование: когда пришла пора нанимать рабочих, оказалось, что нанимать их не на что. Средства первоначального заводского капитала, аккуратно положенные в банк, были украдены городскими партнерами, сам капитал, превратившийся в фикцию на бумаге, переписан на третьих лиц; третьи же лица переписали его еще раз, тоже на каких-то там лиц, а как проверять-то стали, выяснилось, что эти последние давно со свету сгинули и в могилах покоятся, и никто, стало быть, не виноват – с мертвых спрос невелик.

И повисла на Радлове его десятая часть бесполезным ярмом, и получил он вместо крупной медеплавильной фабрики черную яму, глотающую по вечерам солнце. В часы особенного уныния он ходил к котловану и дальше, осматривал портящиеся от дождей машины, скрытые в тени холмов, да неизменно приговаривал:

– Ох, ржавеют мои денежки...

Впрочем, как человек находчивый, опускать руки он не стал – быстренько организовал домашнее хозяйство, неимоверными усилиями вырастил самый обильный урожай зерновых в округе, распродал его по близлежащим селам и городкам, а на вырученные средства закупил скотину да принялся разводить. Жили они с Томой, разумеется, не так благополучно, как обещало первое появление Радлова, но все равно оставались самыми зажиточными в деревне. Скотина росла, плодилась и неплохо продавалась – хватало, в общем, и Лизу побаловать, и самим поесть.

А Лука так к ним и ходил, даже после своей женитьбы – сначала к Лизавете, потом в качестве общего друга. Прежние обиды как-то сами собой забылись под натиском долгих лет – шутка ли, уж и Петру, и Луке за пятьдесят. Да и с сыном, Ильей, Радловы помогали очень – в школу пристроить, в больницу отвезти, мальчик-то болезненный был. Так что Луку уж там как родного встречали.

Вот и сейчас, когда обогнул он затопленный котлован, на дне которого вся влага превратилась в смесь льда и грязи, преодолел череду тесных проулков по другую сторону рытвины и постучался в знакомые ворота – Петр ему до крайности обрадовался.

А день-то был по-зимнему холодный, но почему-то бесснежный – снег в том году против всякой природы сошел в конце февраля, на два месяца раньше обычного, земля стояла промерзшая, но голая, как в пустыне.

Глава третья. Некоторые тревожные признаки

– Проходи, проходи! – говорил Радлов, сотрясаясь своим огромным телом от переполнявшего его радушия.

Лука тихо поздоровался с хозяином, затем поприветствовал хлопотавшую на кухне Тамару и поднялся в просторную комнату на втором этаже, где семейство обычно устраивало застолья.

– Лизки-то дома нет, – продолжал Радлов, вынося чай на подносе. – Поди, опять с неучем твоим гуляет, – он задорно улыбнулся, давая понять, что всего лишь шутит и неприязни к сыну Луки не испытывает никакой. Улыбка, к слову, хозяйина дома вовсе не красила – от крайней полноты, усилившейся с возрастом, щеки у него надувались, а глаза вваливались, как у сома, вывощенного на сушу.

– Именно это я и хотел обсудить, – подхватил гость. – Про неуча-то...

– Да погоди о делах, столько мы с тобой не виделись! Не приходишь ведь, уж переживать с Томкой стали. Может, случилось чего?

– Нет-нет, работы просто много. Я как раз и деньги благодаря ей подкопил... помнишь, говорили?

– А ты все о своем, – недовольно буркнул Петр, явно не настроенный обсуждать серьезные вещи. – Отдохни пока, погляжу, что там на кухне.

И Радлов вышел, оставив гостя наедине со своими размышлениями. А подумать было о чем. Комната, где расположился Лука в немом ожидании, вызвала в нем удушливый приступ ностальгии, ведь именно здесь чаще всего приходилось играть с маленькой Лизаветой, пока родители девочки старались наладить быт или возились на заднем дворе с многочисленными животными. В прошлые посещения, пожалуй, ничего такого не происходило, грусть не захлестывала волной, однако Лука не появлялся в этом доме почти всю зиму. За зиму воспоминания затерлись, как кассетная пленка, теперь же наполнились красками, стали рваться из души, требуя признания и причиняя разрывами тупую боль под сердцем. На диване, где сидел гость, Лиза любила раскладывать игрушки – было их великое множество; куклы, зайцы, плюшевые медведи с нелепыми мордами занимали всю седушку, так что устраиваться приходилось рядом на полу. Под столом, на котором остывал чай, девочка часто пряталась, а чтоб снаружи ее совсем никто не видел – зашторивала просветы свисавшим краем скатерти. А у окна комнаты уже немного повзрослевшая воспитанница впервые пыталась думать о каких-то сложных вещах – что скрывается за ворочающимися в небе облаками, почему существует смерть, зачем люди стареют...

Стареют. Именно.

Лука вдруг поймал себя на мысли, что если та маленькая девочка давно превратилась в зрелую женщину, то сам он, вероятно, постарел. Причем постарел в один короткий миг, и не после смерти жены даже, а только теперь, вместе с осознанием. Прислушался к себе, окунулся в буйное море собственных ощущений и заметил вдруг, что сердечко колотится беспокойно, одышка наметилась, ноги от давления всего тела ноют. Верно, мысль о взрослении Лизы принесла на своем хвостике весточку от затаившейся поодаль смерти.

Впрочем, огорчение из-за наступающей дряхлости Лука проглотил и позабыл тут же – без того слишком много занимало его голову.

Более всего беспокоил сын, Илья. Деньги на его образование отложены, хоть и немного поздно. Конечно, поступать в университет в двадцать два года значительно хуже, чем в семнадцать, но вполне еще можно, тем паче, сумма за прошедшую зиму превысила ожидаемую – теперь хватит на сносное проживание в столице. Одна беда – не хочет Илья без Лизаветы ехать, никакие уговоры не помогли. Хоть саму Лизавету проси его образумить, ей-богу! Да

только и с ней Лука давеча виделся, обсуждал – не вышло ничего толком, девочка выросла чересчур беззаботной, и нет в ее голове места для планов на будущее, сиюминутными порывами живет.

Осталась надежда убедить Радловых, чтобы отпустили дочь в Город, средства на переезд у них имеются. С этой-то надеждой, пусть едва теплившейся, Лука сегодня и объявился – они, помнится, обсуждали нечто подобное осенью, но вскользь.

Также успел гость заметить, что с Петром творится неладное. Глядишь на него – вроде радостный, глаза светятся, а чуть внимательней посмотришь, светится исключительно внешняя оболочка, в самой же глубине зрачка, как в червоточине, тревога маячит. И когда лицо в улыбке натужно расплывается, зубы остаются крепко стиснутыми – словно от муки какой, словно внутри у Радлова черти засели с острыми щипцами и рвут, и терзают все нутро. Не иначе, неприятность с ним приключилась, или не приключилась еще, но уж топором над головой висит, уж наметилась и в ближайшие дни разрешится.

«С заводом что-то опять», – заключил Лука и, устав от размышлений, поднялся на ноги да размял отекающую от неподвижности спину. Осмотрел знакомые ковры, коими вдоль и поперек устлана была комната, так что пола вовсе не видно, все сплошь узорчатая мягкость, затем приблизился к окну.

Радловский дом стоял на возвышении возле холма, образованного склоном древней горы, потому отсюда одноэтажное селенье у озера казалось чуть ли не плоским и просматривалось как на ладони. В некотором отдалении от жилища местного предпринимателя тянулось два ряда убогих, низеньких домишек, дальше черной язвой буравил землю котлован, за ним раскинулось озеро. Оно было покрыто тонкой корочкой льда, кое-где уже давшей трещины и разломы. По ту сторону неровной дугой виднелась остальная часть селения, где жил сам Лука и большинство жителей – там нашлось гораздо больше участков пригодной почвы, здесь же, кроме двора Радловых и пары участков южнее, рядом с болотами, поверхность представляла собой скопище каменистых гряд. Никакого моста над озером так и не выстроили, и если кому-то требовалось попасть в эту часть селения – приходилось делать крюк по берегу. Впрочем, Шонкар был не слишком широк, его отличала скорее глубина, как многие горные водоемы, потому никто особенно не жаловался.

За дальней частью поселка земля начинала постепенно вздвигаться, уходила крутым склоном вверх и превращалась в обрыв, стеной нависающий над жилыми постройками. Такой же точно обрыв топорщился и позади радловского дома, ведь долина озера некогда образовалась из-за разрушения центральной части горы. Вершина рухнула, со временем ветры и воды обтесали ее до состояния равнины, а вот прежние склоны остались нетронутыми. Фактически, поселок стоял в кольце неприступных заграждений, и выйти из этого природного форпоста можно было лишь тремя способами: либо через западную расщелину, за которой открывалась болотистая пустошь, либо через северо-восточную, где находилось устье впадавшей в Шонкар речушки, либо карабкаясь по холмам. Собственно, именно третьим способом пользовался Лука, отправляясь на свои прогулки.

Сейчас, любуясь видами здешней природы из окна, он эти прогулки вспомнил, пожалел, что не совершал их целую зиму из-за занятости, и хотел было предаться приятным мечтаниям, однако его отвлекла одна мелочь – одна крошечная белая клякса, отразившаяся в мутном зрачке и воспринятая зрением быстрее, чем разумом. А когда затуманенный мечтательностью разум проник наконец в смысл увиденного – стало почему-то не по себе.

Верхушка обрыва, очертания которого неясно маячили вдалеке, увенчана была снежной шапкой. Снег, таким образом, исчез только в низине, что представлялось уж совсем неестественным и оттого пугало.

Тут в комнату вернулся Петр. Встал рядом с другом, спросил с наигранной веселостью:
– Чего ж ты там высматриваешь?

– Мы с тобой живем в красивом месте, – загадочно протянул Лука, губы его скривились больше обычного, показывая, что улыбается он не только по болезни, но и в соответствии со своим теперешним настроением. Увы, едва зародившаяся улыбка сникла, и он добавил:

– Только понимаешь, странно как-то...

– Да, – Петр разом помрачнел. – Да. Снега совсем нет. До конца апреля лежать должен, край-то северный, а тут... пропал.

Затем Радлов порывисто указал рукой куда-то в сторону горизонта и продолжил:

– Там, видишь? Лежит. Говорят, что и по всей округе сугробы по колено.

– Чему удивляться, было же пару теплых дней в феврале, все растаяло, а больше осадков с тех пор не случилось.

– Оно, может, и не случилось, но потеплело-то тоже только у нас. К чему бы, как думаешь? Что там у тебя в книгах про такое пишут, а?

– Книги разные, – теперь перекошенное лицо выражало снисходительность. – Про климатические изменения я, знаешь, не читал. Так, какая-нибудь погодная аномалия.

– Ты, Лука, умными словечками зазря не разбрасывайся. Оно любому ясно, что аномалия, отклонение, то бишь, от нормы. А причина-то в чем? Ну сказал ты «аномалия» – что, разве яснее сделалось, как такое могло произойти?

От приступа внезапного раздражения Петр побагровел, но быстро опомнился:

– Ты прости, нервы. Иной раз навалится, причем все вместе – одно, другое, третье – а выведет сущий пустяк навроде снега.

– Стучилось-то что? Сам не свой ведь ходишь...

– Да многое. Инка вот, мать томкина, из ума выжила. Жалко старуху.

– Немудрено, ей уж сколько? За восемьдесят, поди.

– Через год стукнет, – уточнил Радлов, потом помолчал немного, как бы собираясь с мыслями, и принялся рассказывать взахлеб:

– Недавно что учудила: заявила среди ночи на двор, глазищами дикими сверкает, а ноги босые – земля-то холодная, как не застудилась, не пойму. Звали в дом – отказалась, силком затащить не удалось, хоть старушка хрупенькая совсем. Это я-то не смог затащить, представляешь? С безумцами удивительные вещи творятся, скажу тебе! Вроде слабая, дряхлая, еле языком ворочает, а как приступ нагрянет, силища просыпается! Ну, думаем, угомонится – сама зайдет, дверь нараспашку ей оставили. Через некоторое время слышим – с первого этажа звон доносится. Инка камнями в окна бросаться стала! Вокруг дома бегают, камней в подол набрала, каждый с полкулака размером, так что этот подол растянулся и чуть ли не по земле волочится, и бросает. В одном месте стекло выбила, видел?

– Не заметил что-то.

– Внизу. Руки не доходят заделать, за стеклом же в Город тащиться надо, – Петр, вспомнив о пустующей раме, сбился с мысли, потому продолжал несколько неуклюже:

– Орала она, значит... ничего не разобрать! Потом обмякла вся, утихомирилась, вроде как силы кончились. Смотрит по сторонам, а сама – веришь ли – ни черта не понимает, что случилось. Мы ее тут же в комнату, чаем горячим отпоили, ноги согрели! Так она заявляет, мол, это мы ее во двор выгнали, и сапоги отобрали, чтоб ее поскорей уморить. Тома давай оправдываться, а старуха уж и не помнит, что пять минут назад лепетала, о другом заладила – люблю, говорит, тебя, доченька, прости за все! И на меня косится, то есть как бы за то прощения просит, что убедила Тамару со мной сойтись. Та в слезы, а старуха опять о новом и прежнем нисколько не помнит – про какую-то черную тень над селением. Ладно, Лизка пришла да успокоила окончательно – Инка внучку любит, души прямо не чаёт.

– Почему ж у себя не оставили, коли так больна?

– Ушла ранним утром. Сапоги схватила первые попавшиеся с полки, чтоб обратно не босиком, и ушла.

– Перевезли бы ее, что ли, – неуверенно посоветовал Лука. – Помрет ведь одна старуха-то, не справится.

– Эта всех нас переживет! Приехали мы за ней после, так ни в какую – в забор свой вцепилась и давай голосить. Понятное дело, люди сбежались, она плачется: «помогите, увезти меня хотят куда-то». Вся толпа на нас, зачем, так и сяк, бабушку обижают. А поскольку в деревне нас с Томкой не особо жалуют – ты знаешь – объяснить мы толком ничего не сумели, уехали ни с чем. Ты, кстати, где был тогда? Кричали громко, не мог не услышать, живете довольно близко друг от друга.

– Видимо, гулял. Я к ней зайду, попробую образумить.

– Нечего и стараться! – Петр махнул рукой, давая понять, что старуха совершенно безнадежна, да случайно ударился ладонью о стекло. Стекло тихонько задребезжало, но не треснуло. – Смотри-ка, целехонькое! А то бы еще тут раскокал, никуда не годится. Там, к слову, Тома скоро закончит, есть-то будешь?

– Не хочется мне, не обижайся, – Лука соврал. Он не любил есть на людях, так как из-за застуженного в детстве нерва всякий раз во время приема пищи уливался слезами.

– Да чего мне обижаться, коли жена готовила. Вообще зря нос воротишь, мясо запеченное у нее отменно получается, да и за свинкой той мы знатно ухаживали, должна быть вкусной... нет? Как знаешь.

Постояли еще немного у окна, молча, не в силах прервать слишком затянувшуюся паузу, потом как-то одновременно поняли, насколько глупо выглядят (этакие вросшие в пол столбы, не умеющие подобрать слов), и сели за стол.

Вошла Тамара. Лука с горечью обнаружил, что красота ее поблекла и выцветла, черты лица сделались грубоватыми, тело несколько расплылось от даров обеспеченной жизни, а в волосах явно наметились седые пряди, белой проволокой выбивающиеся из прически. Раньше, до осознания собственной старости, он как-то не замечал, что и все вокруг стареют, и даже поступь некогда любимой женщины с годами становится тяжелой.

– Лука, как ты? Мы с Петей волновались очень.

– С работой замотался. Деньги собирал, чтоб Илью в Город отправить. Я, кстати, о том и хотел пог...

– А мы! – резко и невпопад перебила Тома, кажется, для того только, чтобы избежать затронутой темы; затем вдруг умолкла, лихорадочно пытаясь в первую очередь самой себе ответить на вопрос, вертящийся в голове: «Собственно, а что именно мы?». Перебила-то она машинально, не придумав даже никакого продолжения для своей фразы. – Мы... гадали, куда ж ты подевался... предупредил бы...

– Совсем некогда было, правда, – отозвался Лука и уставился на женщину вопросительно, ибо никак не мог понять, почему Радловы ведут себя столь странным образом.

Вновь повисло в комнате неловкое молчание. Впрочем, Тамара нашлась почти сразу и попросила гостя помочь ей на кухне – то ли отнести что-то тяжелое, то ли свиную кровь смыть. Петр на жену насупился, но промолчал.

– Не обсуждал бы ты с ним сегодня переезд детей, – зашептала Тома на первом этаже, озираясь по сторонам от страха, что муж может услышать. – Плохо ему в последнее время.

– Заболел, что ли?

– Боже упаси! Здоров, как прежде, хоть сейчас камни опять голыми руками разламывать, – горькая усмешка чуть затронула губы женщины. – Я настроение имела ввиду скорее. Ты не подумай, он не помешанный... хотя иной раз... как помешанный. У меня ведь мама в старческое слабоумие впала совсем, боюсь теперь всего. Она то кричит, как кликуша, то забывает все на свете, а тут еще Петенька...

– Ты, знаешь, держись, не раскисай, – пробормотал Лука. Тут же устыдился своей банальности, но больше-то сказать было нечего.

– Держись, – машинально повторила Тамара и вдруг воскликнула:
– Да куда мне двух сумасшедших?! – затем спохватилась, что слишком громко прозвучали ее слова, потому весь дальнейший разговор вела вполголоса.

– А что с Петром?

– Мысль у него в голове застряла. Да так застряла, что изнутри выедает всего, рассудок мутит. Конечно, таких буйств, как мама, он не вытворяет, но страшно. Целый день может по дому ходить из стороны в сторону, как заведенный автомат, да под нос себе нашептывать какую-то ересь.

– Какую именно? Может, ничего такого и нет, что внушало бы серьезные опасения...

– Не разобрала, про ржавчину что-то.

– Так ведь и раньше часто сетовал, мол, денежки его ржавеют.

– Теперь другое. Ты слышал, что Петенька наконец от доли завода избавился?

– Ну?! – удивился Лука.

– Недавно совсем. Я только облегченно выдохнула! Думала, заживем наконец. Ой, столько сил-то он на этот несуществующий завод угробил, столько денег! А теперь злющий все время, в голове что-то наворачивает. Да вот мама тоже...

– Может, образуется...

– Вот что ты городишь, в самом деле! Ей восемьдесят скоро.

– Я про Петра. С ним образуется.

– С ним – возможно, – согласилась Тамара, потом заговорила еще тише, разобрать едва удавалось:

– Прости. Не хочет он про детей ничего слышать, понимаешь? Лизе учиться уже очень поздно. Мы ее отправляли в юности, да и позже пытались убедить, она разве согласилась? А теперь – нате, поеду! Петя недоволен.

– Как же недоволен, коли мы еще осенью с ним обсуждали!

– Ой, не кричи пожалуйста. Послушай, Лизка наша – девчонка взбалмошная, так что если честно, мы думали, не выйдет у них с Ильей. За зиму разбегутся, мальчик перебесится да один уедет.

– Лизка, наверно, взбалмошная-то в тебя, – тут лицо Луки исказилось до неузнаваемости, неестественная улыбка расплзлась пуще прежнего, так что верхние зубы обнажились целиком, глаза же от подобного напряжения затуманились, покрылись слезливой пленочкой, а их вечный лукавый прищур исчез на миг. Гостю хотелось изобразить хитренькую ухмылку, но получилось страшно.

– Сам ведь знаешь, кто старое помянет..., – Тома отвернулась, чтобы скрыть неприязнь, резким движением выдернула из духовки поднос с мясом и вручила собеседнику со словами:

– На вот лучше, отнеси. Я сейчас приду тоже.

Озадаченный Лука в обнимку с остывающим подносом поднялся обратно в широкую залу. Петр за время его отсутствия успел вернуться к окну, стоял теперь неподвижно, подобно каменной глыбе, и бессмысленно буравил взглядом стекло – причем именно стекло, ибо, несмотря на прозрачность материала, дальше он явно ничего не видел. От Петра тянулась черная, зыбкая тень, заполнявшая собой всю середину помещения.

Лука вступил в эту тень робко, словно боясь ее потревожить, бесшумно поставил поднос на стол и спросил высившуюся у окна глыбу:

– Тома сказала, ты от завода избавился?

– Избавился, – глухо отозвался Радлов. Так глухо, что, пожалуй, если бы камни умели разговаривать, то обладали бы именно таким голосом.

Неизвестно, сколько бы стояли они в состоянии онемения, но тут зашла Тома со вторым подносом, пригласила всех к столу. Лука, по известным причинам, к еде не притронулся, только пил чай, чашку за чашкой, дабы чем-то себя занять – в отличие от жевательных движе-

ний, употребление напитков вызывало настолько мало слез, что их запросто удавалось смахнуть незаметно для окружающих.

Когда и сами хозяева приступили к чаю, Лука не выдержал:

– Послушайте, может все-таки обсудим то, зачем я приходил. С детьми что-то нужно решать.

– Ой, Лука, будущее нашей дочери занимает тебя больше, чем нас самих, – заметила Тамара с шутиливой интонацией, чтобы разрядить по возможности обстановку.

– Давайте начистоту, – не унимался гость. – Лизавете двадцать шесть лет, давно замуж пора, хоть остепенится. Илья мой, конечно, на четыре года моложе, но других вариантов для *вашей дочери* [с сильным нажимом] я что-то не вижу.

– Ну если хочешь, можно и начистоту, – протянул Петр, недобро сверкнув глазами. Тома на своем месте съежилась и сникла. – Напомнить, почему они с Ильей сошлись? Я ж ее хотел замуж выдать за сына старого знакомого, из Города, там человек обеспеченный, там бы и образование получила, и выход в свет, и что душе угодно! Лиза рогом уперлась – не хочу и все тут. Да к Илье ринулась, больше из вредности. Ты пойми правильно, парень у тебя хороший, так что мы не противились нисколько! Но мягкий он у тебя характером-то, Лизавета им как хочет, так и вертит. Теперь смотри – уедут, значит, молодые в столицу, там бурная жизнь, множество соблазнов, богатые мужчины, рестораны, все огнями светит! Уверен, что наша Лизонька сыну твоему замену не найдет?

– Ну что ты, Петр, – сказал Лука хрипло от пережавшей горло обиды. – Что ты, хорошая она у вас.

– Да ведь избаловал ты совсем девочку! Оно и понятно, чужих детей всегда балуют – вроде как права нет ни руку поднять, ни замечание сделать, по себе знаю, уж будь уверен! У нас же тогда столько работы, чтоб хозяйство поднять, что особо не до ребенка – лишь бы в тепле да накормлена. Вот она и выросла... нам на радость.

– Тома, – обратился гость к женщине. – Твоя же дочь, ты что молчишь?

– Что тут скажешь? Петенька ведь прав. Девка добрая, но непостоянная до ужаса. Не в деньгах же дело, мы и так добавим, чтоб Илья один поехал, обучился там, основу какую жизненную заимел.

– Да, – подхватил Радлов. – Денег можем дать, коли надо.

– Есть деньги, – процедил Лука сквозь зубы, потом лицо его задергалось, как бы приподнялось кверху, собираясь складками кожи под глазами и на лбу, и впервые за вечер он сорвался:

– Это же ваша дочь! Неужто не хотите для нее жизни настоящей?! А Илья без нее ни в какую не хочет ехать!

– Боже, успокойся ты! Я мог бы на ферму его взять помощником, пусть здесь работает. Оклад дам, свадьбу сыграем. Где она, твоя настоящая жизнь? Нет нигде, один пустой звук.

– Неучем ведь останется...

– А много среди нас *учей*-то? С голодухи, однако же, не помираем ни ты, ни я, – Радлов осклабился, издав самодовольный рык – видно, сомнительная шутейка ему самому понравилась.

– Положим, ты прав, – Лука вздохнул и откинулся на спинку дивана, почувствовав крайнюю во всем теле усталость. Редкие вспышки гнева очень его утомляли – собственно, потому они и были редкими, после смерти жены душевных сил на них не хватало.

– Ты побеседуй с Ильей еще раз. Если отправишь в город – Лизка здесь его почти наверняка дождетя, деваться ей некуда. В Илье-то я уверен – привязчивый он у тебя.

Тома засуетилась: составила всю грязную посуду на поднос, протерла стол и покинула комнату со своей ношей. Лука по-прежнему сидел на диване, глубоко дышал, в голове неспешно ворочались какие-то мысли, но о чем были эти мысли – из-за отстраненности разобрать не мог. Петр усталился в одну точку где-то позади Луки и не сводил с нее глаз.

– Я как с заводом-то поступил, – начал он невпопад, внезапно вынырнув из омота своих внутренних переживаний. – Бумага из Города пришла, а в ней значится, что от доли капитала следует отказаться без последующих потерь, подпись надо только поставить на соответствующем документе. Документ тоже в конверте имелся. Я подписал, потому как мне особой разницы нет. Через две недели, да вот вчера буквально, подтверждение пришло, что мне ничегошеньки не принадлежит. Только кому теперь принадлежит и в чью пользу я отказался – того не ведаю. Забавная история, не находишь?

– Я не знаток подобных дел, если честно. Но удивительно, что ты нового владельца не знаешь, разве не указали в том документе?

– Не указали. Есть ли он вообще? По идее, весь капитал вообще мертвецам принадлежит, – Радлов расхохотался.

– Как... мертвецам?

– Так ведь люди, которых я партнерами оформлял в долю, все переписали на покойников. И до сих пор так, в те времена вроде путаница с бумагами вышла, а после никто к этому возвращаться не стал. Моего же там меньше десятой части оставалось. Ну... символично же? Несуществующее предприятие принадлежит умершим людям.

– Тебя ведь это уже не касается?

– В целом, да, однако с должности управляющего меня никто не снял. Правда, я должен управлять исключительно производственными процессами, распоряжения отдавать, людей распределять на рабочие места... коли производства нет – с меня и спроса нет.

– Что ж ты не весел, ведь такая тягота с плеч долой! Или сил жалко, на завод потраченных?

– Не в заводе дело. Сердцем чую, страшное что-то будет. Некоторые тревожные признаки наметились, знаешь ли...

– Это какие, например? Разве только снег раньше срока растаял.

– Ерунда твой снег! Конечно, подобные изменения климата нам еще аукнутся. Если погода сдвинулась на весь год – осень нам весь урожай сгноит. Но главное-то другое!

– Что же... главное?

– Ты помнишь, где машины стоят?

– Помню. Ты бы прекращал к ним ходить, поди, уж проржавели до самого основания...

– Так ведь не проржавели, слышишь! – от нервного возбуждения Радлов привстал, опираясь на столешницу, но, побоявшись, что ножки переломятся под его огромным весом, тут же вернулся на место. – Я давеча был там, под обрывом-то, где медная жила. Машины на первый взгляд те же самые, но если посмотреть ближе – блестят как новенькие! И механизмы все исправны внутри, хоть завтра залазь в кабину да породу дрови. Каково, а?

Примерно на середине этой речи Тома, успевшая перемыть посуду, вернулась и встала позади мужа. Услышав, о чем именно толкует Петр, она невольно вздрогнула, положила руки ему на плечи и нежно пропела в самое ухо:

– Петенька, успокойся.

– Не трожь! – крикнул Радлов с такой силой, что его полные щеки затряслись. Тамара на миг остолбенела, не вполне понимая, что сделала не так, потом отстранилась, оглядела сидевшую за столом тушу с оттенком презрения, махнула рукой и ушла.

– Зачем ты так? – спросил Лука с явным укором. – Беспокойся ведь, добра тебе желает...

– Нет. Она думает, будто я помешался, как и ее мать.

– Согласись, ты говоришь вещи, в которые трудно поверить. Машинами теми лет двадцать никто не пользовался, в селении, наверное, каждый гуляка видел, что там давно металл от влаги гнить начал, ржавчина в иных местах насквозь проела. А тут... как новенькие, разве может такое быть?

– Сходи туда вечером, коли не веришь. Посмотри сам.

– Да уж схожу, но ты постарайся не срываться ни на ком, ладно?

– Пожалуй, погорячился, – последовала недолгая пауза. – Тревожно мне очень. Они там что-то делают. Что-то делают без меня.

– А даже если и делают, ты как управляющий свою утерянную долю отобьешь. Заработаешь, а может, кое-что напрямую в свой карман положишь – ради справедливости, все не без греха.

– Кажется, я уже объяснял, что завод, а точнее, капитал и недра, завода-то никакого нет.., – Петр немного сбился, запутавшись в собственных беспокойных мыслях, которые шпарили внутри головы быстрее его медлительной речи. – О чем я? Да, одним словом, недра никому не принадлежат фактически. Их нельзя использовать без согласия владельцев, владельцы же никакого согласия никогда дать не смогут, из могилы-то. Моя доля списана в пустоту, а даже если и передана кому-то – она незначительна, ее обладатель опять-таки ничего строить не уполномочен. То есть там не может никто ничего делать, понимаешь? И, однако же, что-то происходит, машины новые пригнали.

– Что ж, по-твоему, мертвецы решили медь добывать? Ну, повеселил! – Лука рассмеялся от подобной нелепости и с шутливыми нотками добавил:

– Не пугай на ночь глядя.

– А ведь верно! – спохватился Радлов. – Почти ночь. За окном совсем стемнело.

За окном и правда царил мгла. Она незаметно опустилась на тихое селенье, наполнила собой все пространство между обрывами, темными щупальцами заползла в каждую расщелину, черным одеялом расстелилась по неровной поверхности озера.

– Расходиться пора, – протянул хозяин дома и поднялся на ноги, чуть не опрокинув стол. – Ты с сыном-то побеседуй, хочет, пусть приходит ко мне работать. Или без Лизки едет.

– Думаю, мы к этому разговору еще вернемся, – ответил Лука.

Затем они попрощались, причем прямо на втором этаже – Радлову с его внушительными габаритами лишний раз ходить по лестнице не пристало, не от тяжести, ибо сила в нем сохранилась прежняя, а потому скорее, что протискиваться в тесные проемы неудобно.

Внизу гостя поджидала Тамара.

– Ты не злись на него, – сказала женщина. – Он на счет Лизы-то прав.

– Поживем – увидим, кто тут прав. Ты, знаешь, не переживай. А к матери твоей я зайду, я Петру уже пообещал. Может, удастся ее убедить сюда переехать.

– Зайди. Она тебя помнит.

Лука опрокинулся в объятия ночной мглы и отправился к себе, разрывая влажную черноту своим телом. Впрочем, преодолев череду домишек по эту сторону озера и оказавшись на краю котлована, он вдруг вспомнил рассказы Петра да из любопытства решил их проверить.

Развернулся в противоположном направлении, вновь проделал путь от земляной язвы до радловского дома, затем обогнул его, обошел ферму на заднем дворе и двинулся к холмам.

Меж холмов протоптана была хотя неровная, но вполне различимая тропа – вероятно, сказывались почти ежедневные прогулки Радлова. Кругом разбросаны были камни, серые и потрескавшиеся – каждую ночь в их поры затекала влага, обращалась внутри льдом и постепенно крошила огромные валуны в мелкие булыжники, а булыжники – в песок. Днем же вода обтесывала их рваные края, сглаживала острые углы, придавала граням округлую форму – воистину, вода являлась главным архитектором здешнего ландшафта.

Высившаяся в конце тропки стена обрыва приютила под собой плотную, почти осязаемую тень. В этой тени и таились пригнанные некогда для строительных работ машины.

Лука упрямо шел к ним, невзирая на страх – а ведь ему было страшно! Все чудилось, словно в раскинувшемся перед ним царстве камней и черных пятен можно запросто сгинуть, и вовсе не из-за опасных животных или недобрых людей, которые любят творить свои дела

в темноте, а потому, что окружающая тьма как будто способна поглотить, растворить в себе целиком, да так, что от него и капли крови не останется на свете.

Со стороны дальнего берега доносился надрывный собачий лай, но здесь была тишина, лишь изредка в расщелинах завывал ветер.

Вскоре Лука сумел добраться до ближайшего механического исполина, дотронулся до его поверхности и обомлел – под рукой у него оказался гладкий, свежескрашенный металл без единого следа эрозии.

Петр оказался прав. Машины были либо заменены на новые, либо приведены в божеский вид, и полностью готовы к использованию. Это несколько настораживало, поскольку что одно, что другое действие невозможно совершить без шума, но никакого характерного шума в последнее время никто в деревне не слышал.

Не зная, что и думать, с пустой головой да изнывающим от неясной тревоги сердцем побрел путник к своему жилищу, что на другой стороне озера.

Дома его ждала Лизавета. Сидела в тесной прихожей, забившись в угол (у Луки там, как у обувщика, два расшатанных деревянных шкафчика стояли, до предела забитых обувью, так вот между ними девушка и спряталась).

– Лиза? – удивился вошедший. – А чего же ты здесь? Где Илья?

– В город уехал, – с явным безразличием отозвалась девушка и вышла на свет.

Лука безмолвно уставился на нее, испытывая удивление и радость одновременно, и стал внимательно, с ног до головы осматривать. Девушка обладала приятной внешностью, тонкими чертами лица, но, справедливости ради, внешность ее была бы заурядной, если бы не глаза – глаза, черные, чуть раскосые, пылали изнутри каким-то голодным пламенем, и пламя это ничем нельзя было погасить. Оно словно сжигало свою носительницу изнутри, заставляя ее вечно метаться от одного к другому, маяться по жизни, искать разлад и жить одним днем, подобно бабочке, у которой, кроме текущего дня, и жизни-то больше нет.

– Дяденька Лука, – заговорила Лизавета, выдержав небольшую паузу. – Мне деньги очень нужны. Помогите, а?

– Не могу, ты же знаешь

– Дяденька Лука, мне совсем немного! Только чтоб уехать!

– С Ильей хочешь?

– Лиза вдруг покраснела, потупилась и едва слышно произнесла:

– Нет. Я... одна хочу.

– Одна? В смысле одна? – мужчина не понял, что именно имеет ввиду воспитанница, пока среди спутавшихся его мыслей не пронеслось: «И вновь прав оказался Петр». Девушка молча смотрела в какую-то точку на полу, постепенно заливаясь стыдливым румянцем и не в силах взглянуть в лицо собеседнику. Впрочем, ее можно было понять, ведь лицо это в процессе осознания происходящего начало коситься набок – левая щека ползла вверх до тех пор, пока глаз над ней не закрылся полностью. Потом Лука резко весь обмяк (обмякла даже вечная его улыбка) и выдавил из себя:

– Илья мой сын. Как ты вообще надумала заявиться сюда с *такой* просьбой? С ним что будет, если ты вот так сбежишь?

– Мне казалось, вы добрый, вы сможете понять...

– Нет. Прости, но нет, – хозяин двух ветхих обувных шкафов подумал немного и нехотя добавил:

– На улице холодно. До утра останься.

Лиза не осталась.

Той ночью выпал долгожданный снег. Снег валил до самого утра, не переставая, вокруг все сделалось белым-бело, котлован засыпало почти до середины, как будто природа стремилась таким образом залечить земляную язву. Падающие с неба хлопья покрывали мягкой простыней камни, холмы, крыши домов.

Но какая-то исполинских размеров черная тень нарушала умиротворяющую картину – висела с той стороны озера, напознала на радловский дом и ферму. На рассвете тень растворилась, и происхождение ее осталось неизвестным. Призрак грядущего?

Глава четвертая. Царицына дочь

Когда Лизавета выскочила от Луки с раскрасневшимся от волнения лицом, снегопад еще не начался. Она ринулась в сторону родительского дома, перескакивая через рытвины и трещины в промерзшей земле, обегая покосившиеся заборчики, изредка встречавшиеся на пути, и напрямую пересекая те убогие хозяйства, где никаких заграждений не имелось. В этих последних почва была мягче, сапоги легко рассекали верхний слой и вспарывали целые борозды, потому дважды на девушку гневно закричали из окон. Лиза оба раза ускорила темп – сделала вид, что не слышит.

Стремительно вырвалась из опутавшей этот берег сети беспорядочных проулков к озеру, по кольцу добежала до самого котлована, но дальше, к радловскому особняку, не двинулась – так и металась по деревне, не зная, куда приткнуться. Ей словно сделалось тесно внутри самой себя, тесно и неудобно в рамках здешней обыденности, так что безумно захотелось сбежать отсюда, оказаться в какой-то несуществующей безбрежной дали, ощутить полную, ничем не ограниченную свободу – свободу в совершенно непонятном, метафизическом смысле, вроде как покинуть не только селение, но и собственное тяжелое тело. А поскольку подобной свободы в природе, кажется, не существует, и даже сама смерть далеко не всегда обещает бестелесность – девушка в отчаянии металась от одного двора к другому. На шаг не перешла, хотя запыхалась – быстрый бег дарил иллюзию желанного полета.

Несомненно, ей хотелось иной жизни, но иного сознания также хотелось – более широкого, дабы охватить внутренним взором все сущее целиком. Увы, это было невозможно, ибо не могла Лиза проникнуть ни в одну тайну мироздания и даже приблизиться к ним не умела, высшие материи не давались уму, и если некоторые *помыслы* иной раз устремлялись до небес, то конкретные *мысли* вечно крутились вокруг земного да сиюминутного. Лизавета, к примеру, запросто решала, как понравиться определенному человеку или соблазнить мужчину, что для этого надеть, где раздобыть средства, чем занять руки и день; с некоторым трудом выходило у нее думать о будущем, о своем призвании, дальнейшем роде занятий – нет, при особом старании далеко идущие планы в голове складывались, да больно размытые, так что следовать им не представлялось возможным; размышления же о неких высших сущностях, Боге, предназначении человека или, скажем, смерти как глобальном явлении не давались вовсе, хотя из-за воспитания Луки, проявлявшего склонность к столь тонким материям, их вроде как хотелось.

Где-то глубоко в душе Лизаветы порой зарождалось высокое устремление, жаждущее разродиться действием (как сейчас, когда потянуло ее к абсолютной свободе). Однако известно, что для совершения любого действия порыв, его породивший, должен из души потянуться к разуму, обратиться там мыслью, а мысль, в свою очередь, выделиться из неразборчивого потока прочих таких же мыслей и стать осознанной. Да вот в чем загвоздка: как раз там, на пути к осознанию, как будто растянута была тоненькая мембрана, вроде барабанной перепонки – всякое высокое устремление, таким образом, перекочевав из недр души в разум влетало в эту мембрану, билось, билось, однако преодолеть не могло, а гулкое эхо по ту сторону органической преграды наполняло голову неясным шумом и только. Шум порождал столь же неясные эмоции, и уж эти эмоции, которые и понять толком нельзя, толкали девушку на действия. Потому при всей своей расчетливости зачастую вместо достижения каких-то важных целей металась она, как проклятая, и искала незнамо что – то ли красивой жизни, то ли самое себя.

Все это жгло ее изнутри, копилось, наворачивалось друг на друга и тянуло не к земле даже, а куда-то еще ниже – то ли к обрыву, то ли в омут. Впрочем, боясь как смерти, так и откровенного разврата (опять же сказывалось воспитание Луки), девушка нашла наконец приемлемый выход – сбежать, порвав всяческие связи с прежним окружением, в том числе с возлюбленным.

Илья ей надоел. Она действительно сошлась с ним из духа противоречия, дабы избавиться от давления чужой воли – родительской в данном случае. Однако было в этих отношениях нечто такое, благодаря чему их удалось продлить некоторое время.

Дело в том, что внутри у Лизаветы, где-то над желудком, от невозможности познать ни саму себя, ни мир вокруг стоял невыносимый вой, словно выло и рвалось в ней все ее природное да непризнанное, и как существо телесное, она искала утolenия своих печалей именно в теле. А если точнее, в радостях этого тела. Потому девушка довольно часто влюблялась, начиная с юности, да всякий раз полагала, будто навечно. Надо сказать, вой внутри замолкал как от самого чувства любви, так от физического его утolenия. Но в том и беда, что после подобного утolenия призрачная боль над желудком возрождалась с новой силой, то ли от стыда, то ли от какого-то смутного ощущения вины. Лиза тут же начинала на избранника злиться и вскоре шла на разрыв.

Илья же от прочих мужчин отличался – до того был он наивный, до того беззащитный, даже местами женственный, что после страсти в Лизавете просыпалось материнское чувство, которое полностью заглушало и стыд, и ощущение вины, и прочие неприятные переживания.

Да и здесь не заладилось, ведь от женственности своей Илья был слабым и, сколько бы ни кидалась на него возлюбленная с голодным остервенением, не умел *полностью* обуздать ее внутреннее пламя, не мог утолить жажду жизни. В конечном счете, привело это лишь к тому, что огонек превратился в настоящий пожар, который дотла спалил все иные чувства в девушке и вновь заставил ее мучиться.

Она не порвала с Ильей, нет. Во-первых, ей хотелось исчезнуть тайно, дабы обойтись без слез и упрасиваний, ибо всегда при разрывах думала Лиза о том, что мужские слезы и упрасивания омерзительны; во-вторых, Илья по наивности мог помочь сбежать.

Итак, твердо решившись покинуть селение, Лизавета прежде всего отправилась за советом к родителям (а было это накануне того дня, когда Лука пришел к Радловым в гости, чем и объясняется их крайнее нежелание говорить о детях). В семье ничего, кроме презрительного неодобрения от отчима и приступа ненависти от матери, девушка не получила да ринулась к Луке, предварительно отправив Илью в Город вроде как на разведку. И пошла-то вовсе не для того, чтобы побеседовать, как могло показаться изначально, а с намерением украсть деньги, хотя бы немного, на дорогу. Но тайник отыскать не сумела и, застигнутая на месте врасплох, от страха и отчаяния начала просить о помощи отца своего уже бывшего избранника. В какой-то момент ей даже почудилось, будто уговоры могут подействовать, хотя подобная мысль на самом деле глупа до ужаса – все-таки, Лизавета для Луки была *как* дочь, а вовсе не дочь, и благо родного сына стояло, разумеется, выше фантазий какой-то девочки.

Впрочем, надежда теплилась. Оставался еще один способ, для осуществления которого необходимо было заручиться поддержкой наивного возлюбленного – и Лиза решила его встретить.

Вообще жители добирались до столицы или прочих поселений двумя способами. Летом пользовался спросом речной путь – у самого устья установлен был лодочный причал, сплавлялись чаще всего сами, за умеренную плату мог перевести лодочник; зимой же по понятным причинам отдавали предпочтение поезду. Поезд в тех местах останавливался у железнодорожной станции «Вешненское» (недалеко располагался крошечный поселок с тем же названием) и шел до самого Города без остановок, объезжая всю речную пойму западнее, через соседнюю область. Одна беда – станция стояла севернее, и чтобы до нее добраться, необходимо было пешком или на машине преодолеть несколько километров совершенного бездорожья.

Именно таким путем накануне отправился Илья в столицу, и значит, встречать его следовало опять же на станции.

Лизавета посреди ночи отправилась туда на своих двоих – расстояние немалое, идти чуть больше часа, а зимой и все полтора, да разве мог ее кто подвезти? Отчим после вчерашней

ссоры почти наверняка запер бы дома, а единственный человек, у которого в поселке тоже имелась машина, некогда был в девушку влюблен и даже сумел получить толику взаимности, однако позже они рассорились без всякой на то видимой причины, потому помогать юноша не станет. А коли станет, так непременно с каким-нибудь неприятным взамен требованием, что еще хуже.

Снегопад застал Лизу по дороге, причем начался он совершенно неожиданно – буквально мгновение назад пространство кругом было чистым, а разряженный от холода воздух открывал необозримую даль до самого горизонта, несмотря даже на ночную мглу, как вдруг, разом, перед глазами обрушилась белая пелена снега, и по всему выходило, будто никакая это не пелена, а заснеженная земля вздыбилась, изломилась, поднялась стеной. Тут уж и ветер забушевал, и закружило бедную Лизавету по пустынному полю, окутало ледяными вихрями да повело куда-то в сторону, так что вскоре она увязла в плотно сбитом сугробе. Разумеется, где-то поблизости давно уже протоптали тропку, да вот хоть Илья, накануне шедший той же дорогой, но из-за метели с тропы Лиза сбилась, взяла правее.

Сугроб был по колено. Выбиралась из него девушка долго, прилагая невероятные усилия, а когда сумела наконец вытянуть ногу – вытянула ее без сапога. Сапог пришлось откапывать, потому руки окончательно заоченели и ничего более не чувствовали, кроме нудной боли, которая часто возникает при обморожении.

Лиза кое-как вытряхнула снег, натянула утерянную обувь и принялась искать тропу. Свернула левее, проделала ногами очередную траншею в сугробах, покрутилась на месте, стараясь угадать верное направление, но тропы не нашла – замело.

С упорством слепого фанатика девушка продолжала идти вперед, не зная, куда, зачем, уж не помышляя о конечной цели своего путешествия и нисколько к ней не стремясь – холод выморозил подобное стремление, ветер выдул малейшие остатки. Теперь ей непременно хотелось добраться до чего-нибудь осязаемого, до некой опоры – поклонного креста, столба, деревца или любого другого устойчивого предмета, достаточно высокого или даже, скорее, *длинного* для того, чтобы перечеркнуть пустое пространство. Оттого редкие кустарники она обходила – нет, нужно обязательно высокое, обязательно такое, которое *перечеркивает*, что бы это ни значило.

В какой-то момент в выстуженной голове родилась вполне разумная мысль о том, что при нулевой видимости едва ли удастся отыскать желанную опору. Следом пришли новые, несколько более туманные рассуждения, и поняла Лиза, что совсем заплутала да выбраться не сможет. Видно, здесь теперь останется надолго, как раз вместо столба ляжет поперек поля и перечеркнет это поле, разделит собою на две половины. Ее, конечно, станут искать – непременно станут искать! Начнут бродить по окрестностям разношерстные поисковые группы, возглавляемые то Радловым, то Лукой, в сопровождении безутешного Ильи, которому, разумеется, ничего не скажут про выходки Лизоньки в его отсутствие, дабы память о ней не опорочить.

А рано или поздно найдут – если рано, то белую, припорошенную снежком, с твердыми льдинками на поверхности глаз, если поздно, так уж в разгар весны, влажную и изуродованную, и в глазах-то уж не льдинки обнаружат, а муравьев... одним словом, неизвестно, когда именно найдут, но наверняка известно, что мертвой.

От нелепой фантазии про муравьев у Лизы защипало глаза, словно в них уже кто-то копошится. Тогда она запаниковала да рванула из последних сил прямо, подгоняемая страхом смерти – немудрено, ведь образ собственного мертвого тела дышал ей в спину.

Ветер довольно скоро улегся, снег засыпал реже, и сквозь разрывы в белом кружеве Лизавета уловила кляксу света, одиноко мерцающую на унылом черно-белом фоне. Этой кляксой оказался фонарь, болтавшийся над крыльцом небольшого домика у железнодорожной станции.

Сама станция казалась затерянной, по скудности местного населения не имелось на ней ни заграждений, ни смотрителя. Домик же, установленный здесь для того, чтобы путники могли переждать непогоду и дожждаться поезда в тепле, сделан был на общественных началах, иначе говоря, абы как сделан – изо всех щелей сквозило.

Лизавета доковыляла до скошенного сооружения, отряхнулась и вошла. Тесно было внутри, грязно. Оконце выходило на железнодорожное полотно, дабы ожидающие видели приближение состава, напротив окна – две деревянные полки, одна над другой прикрепленные к стене наподобие двухъярусной койки.

На полках вполне можно было заночевать, потому в прежние времена здесь находили приют бродяги, скитавшиеся по лесам, и беглые заключенные (значительно севернее находилась колония). Обычно временных постояльцев прогонял какой-нибудь тоскующий от ожидания пассажир, но год назад случилось страшное – принялся пассажир гнать бездомных, а те взяли да тут же его прирезали. Вещичками поживиться не побрезговали, так что труп пару дней провалялся совершенно голый. Происшествие наделало в округе шуму – ходили полицейские бригады, ловили по лесам подозрительных людей, конвой даже выставляли на железной дороге, потому никаких бродяг у домика больше не видали никогда.

Повезло и Лизавете – никого внутри не оказалось. Она улеглась на нижней полке, не снимая ни сапоги, ни флисовую курточку, ощутила, как по ногам лениво разливается тепло, замерла и стала ждать с пустой головой да растревоженным неясными переживаниями сердцем.

Ждать пришлось недолго, ибо вскоре тишину снаружи разорвал звук работающего мотора. Потом мотор умолк, дверь отворилась, и на пороге, окутанный зимней стужей, предстал запыхавшийся Радлов. В дверной проем он едва втиснулся боком.

– Ты? – удивилась Лизавета, вскакивая со своего места.

– Да, я... искал... искал, – невнятно отозвался Петр, пытаясь совладать со сбившимся дыханием.

– Неужто меня? – Лиза, в первые секунды оробевшая от неожиданности, теперь осмелела, в голосе ее появились привычные для родителей нотки нахальства.

– Мы там с Томк... с матерью твоей среди ночи от грохота проснулись... а тебя нет. Боже, ты не представляешь, такой грохот по всей деревне! – Радлов перебил сам себя, как это нередко с ним случалось, и тщетно пытался поймать предыдущую мысль:

– Так вот... все равно, что от грозы проснуться. Забегали по дому, засуетились, тут оказалось, что ты не пришла. Я, значит, поселок обежал, чтобы причину шума отыскать, да за тобой поехал. Благо, дед Матвей видел, как ты в сторону станции направлялась, подсказал, где найти. Ты ж ему, дуреха такая, во дворе всю землю сапогами попортила! Матвей говорит, бежала как оголтелая! Чего вдруг такая прыть?

– Боялась не успеть. Я Илью жду.

– Ага. Одумалась, выходит? Недурно же, – рассеянно прокомментировал Радлов, но мысли его явно занимало нечто другое.

– Так что за грохот в селении? – спросила Лиза, без особого интереса, ибо до селения ей дела больше не было, а так, разговор поддержать.

– Технику, видишь ли, перегоняют.

– Какую технику?

– Ту, что у холма прозябала. К котловану перегоняют. И костры жгут всюду.

– Зачем?

– Да поди разбери, зачем! Тепло им, наверное, нужно...

Лиза приблизилась к оконцу, увидела, как со стороны селения поднимается мутное зарево, плюющееся дымом. На фоне зарева, заляпанные кроваво-красными отблесками,

вырастали исполинских размеров лестницы и тянулись до самых облаков. По лестницам ползали люди, казавшиеся от расстояния совсем крошечными, навроде насекомых.

Присмотревшись внимательней, девушка заметила, что не только зарево, но и люди дымят. На миг она оцепенела, поскольку разум отказывался верить в то, что сообщали ему глаза посредством отражения на влажной оболочке; затем едва слышно, через силу выдавливая каждый звук из онемевшего горла, спросила:

– Кто же там ползает?

– Мертвые.

Лизвета вздрогнула, внутренняя поверхность ее бедер похолодела от страха, а в голове словно открылось некое второе, потаенное, сознание. Этим вторым сознанием она вдруг ясно поняла, что, во-первых, селение расположено не только в часе ходьбы от здешней станции, но и в низине, в этакой яме внутри горы; во-вторых, видимость при снегопаде практически отсутствует, едва ли удастся заметить что-то на расстоянии более нескольких метров; наконец, в-третьих, оконце выходит на железнодорожное полотно, которое находится совсем не в той стороне, где поселок – следовательно, ни зарева, ни гигантских лестниц отсюда увидеть нельзя, даже если и принять на веру тот факт, что подобные лестницы вообще возможно настолько быстро выстроить. Проще говоря, девушка вдруг обнаружила, что наблюдает за красной фантасмагорией в несуществующее окно.

Перепугавшись сильнее, чем прежде, она оборачивается назад и видит, что никакого Радлова в помещении нет, а только стоит посреди комнатухи жирный, отвратительный боров с лицом Радлова...

Лиза дернулась всем телом и от этого спасительного движения проснулась. Кругом было тихо и темно – лишь блеклый свет фонаря пробивался вовнутрь, ложился двумя полосками на пол, а полоски гасли, гасли и у самых полок иссякали вовсе. Снег валил до сих пор.

Девушка поднялась на свинцовые от усталости и недосыпа ноги, выглянула на улицу. По всем признакам царила глубокая ночь – значит, поезд не проходил.

Успокоившись, Лизвета вернулась на полку и решила более уж не спать, дабы не пропустить Илью. Тем временем снегопад за окном поредел и не напоминал ни тонкое кружево, ни тем паче непреодолимую стену, с которой путнице пришлось бороться по дороге сюда. Просто белая пыль витала в воздухе, и каждая пылинка была до того крошечной, до того легкой, что, прежде чем достичь земной поверхности и прилипнуть к какому-нибудь обледенелому сугробу, выделяла немыслимые виражи, кружила спиралью, иной раз бросалась обратно ввысь, потакая капризам ветра.

Илья прибыл утром, часов, кажется, в восемь или около того, перед скупым зимним рассветом. На тот момент в небе уже обозначилась багровая линия, резко очерчивающая дальние холмы, но само солнце еще не показывалось. Таким образом, было ни темно, ни светло, чему Лиза до крайности обрадовалась – в сумраке врать легче, любую тень на лице, способную выдать ложь, запросто можно объяснить прихотями освещения.

Глава пятая. Прихоти освещения

Илья спрыгнул с поезда, почти по колено провалился в нерасчищенный снег и тут же услышал позади себя металлическое лязганье – поезд готовился к отправке. Поезда вообще не задерживались на станции: выплунут одного-двух пассажиров, и тут же устремляются прочь от торчащих на горизонте каменных зубьев, прочь от одинокого строения, нелепо торчащего посреди бескрайнего поля, прочь от одичалого сонмища местных призраков. Этих последних водилось тут в достатке – взять хоть убитого год назад бедолагу, с которого всю одежду стянули, наверняка шатается теперь по окрестностям в бестелесном облике. Один мужичонка вроде как даже с ним сталкивался и в селении затем всем поведал. И хоть был мужичонка в некотором подпитии, послушали его с большим интересом да из уст в уста передавать начали. Да и кроме того убитого, неуспокоенных, не похороненных мертвецов хватало – утопленники все больше. То грибник заплутает и сгинет на болоте, то несчастный бродяга угодит в самую топь, раза два и городские пропадали, хотя, казалось бы, как их сюда занесло. Около здешней станции даже рельсы выли, потому люди в вагонах от немого страха по углам жались. Положим, оттого рельсы выли, что давали небольшой уклон и поезд малость кренился, терся о дорожное полотно – да разве этим кого убедишь? Нет, про призраков оно вернее, верят охотнее.

В общем, от того ли, что машинист, запуганный людской молвой, хотел как можно скорее покинуть проклятое место, или от того, что где-то в столице составили расписание, не предусматривающее должного времени стоянки, поезд сразу после прибытия сдвинулся с места, разогнался и серой лентой умчался вдаль. Илья остался один – торчал тоненькой жердочкой из сугроба да размышлял, как добраться до селения. Снегопад стал настоящей неожиданностью, так что перспектива вырисовывалась не ахти какая.

Впрочем, как только юноша увидел выскочившую из домика Лизавету, растрепанную и в куртке нараспашку, уныние тут же рассеялось. Лизавета бросилась его обнимать, едва не опрокинула и уткнулась лицом в плечо – так было удобнее спрятать свою растерянность, но Илья, конечно, принял жест за чистую монету да от радости засиял.

– Посидим там немного? – спросил он, указывая на покосившееся строение, где девушка провела целую ночь. Из рта его вместе с каждым словом шел густой, влажный пар. – Я что-то продрог.

– Боишься не дойти? – отозвалась Лиза и издала короткий смешок, призванный скрасить холодность ее интонации. Увы, медные нотки в голосе никак не поддавались власти разума и могли выдать истинные чувства.

– Боюсь, – признался юноша и потянул девушку за собой.

В домике было значительно теплее. Как только вошли внутрь, Илья вдруг задрожал всем телом, да так сильно, что голова его начала болтаться на шее безвольным мешком, а зубы громко стучать друг о друга. Часто ведь случается, что пока стоит человек на холоде, все тело его непроизвольно напрягается, мышцы твердеют, движения становятся скупыми и собранными, потому как пустить мороз под кожу все равно, что смерть пустить; а только пойдет тепло – разом расслабится, и нападает тогда страшная дрожь, как бы по памяти от пережитого холода.

Лиза усадила юношу на нижнюю полку у стены, натянула на него, закоченевшего, свою куртку, отошла к окну и произнесла отстраненно:

– Не переживай, это пройдет скоро.

– З... наю, – ответил Илья, лязгая зубами. Весь съежился, посмотрел на девушку исподлобья и добавил, от озноба комкая слова и выдавливая их из гортани с чрезмерной силой:

– Т... ты какая-то... гру... стная... с... случилось что-то?

– Переживаю, как добраться будем. Ты вон совсем замерз, – соврала Лиза.

Юноша закивал, судорожно дергая шеей, потом закрыл глаза и откинулся назад. Дрожь начала проходить.

Заря между тем понемногу расцветала – от резко очерченной багровой линии на горизонте стелилась лиловая дымка, отгесняла ночную мглу куда-то кверху, впивалась в нее алыми прожилками и разрывала изнутри. Мгла сохранилась лишь под самым небесным куполом, и оттого пейзаж, аккуратно зажатый в оконной раме, разделился на четыре неравные полосы: снизу растянулось белое поле, кое-где разорванное черными пятнами обнаженной земли, поле это выше серело и упиралось в рваную, темную материю холмов; от холмов поднималось зарево, яркое, но с высотой бледнеющее, подобно застоившемуся вишневному соку, в котором вся мякоть осела на дно, отчего верхние слои сделались водянистыми и прозрачными; зарево затем смешивалось с синевою, окрашивая брюхо облаков в тяжелый фиолетовый цвет; на самом верху синева густела и превращалась в иссиня-черную ночь.

Все эти метаморфозы отражались и внутри – по стенам разбегались красноватые блики, а две полосы света от фонаря, стелившиеся по полу, бледнели и вместе с тем ширились, смешиваясь со свечением зари.

Но в непроглядном сумраке оставалось лицо Лизаветы – она, внимательно наблюдавшая за бликами на стенах, вдруг осознала, что в комнате постепенно светает, и предпочла остаться у окна, спиной к восходящему солнцу. Тень скрывала ее растерянность, ибо растеряться было от чего – юноша окончательно пришел в себя, пауза донельзя затянулась, а в голове, как назло, не родилось ни одной дельной мысли касательно продолжения разговора.

Не придумав ничего лучше, девушка решила забросать Илью самыми очевидными вопросами:

– Ты же расскажешь мне про столицу? Тебе понравилось там? Что видел? Стоит ли нам переезжать? – и так далее, бессвязно и неуклюже.

– Да мне слов никаких не хватит, чтоб рассказать, – юноша замешкался. – Там ведь живут совсем иначе! У нас что... зимой все сплошь снегом заметает, летом земля от ставок гниет... и до боли скучно. Причем и зимой, и летом скучно, – легкая усмешка. – Переезжать однозначно надо! Насовсем, чтоб даже не вспоминать о здешней серости! Слушай, я по главному проспекту вечером гулял... названия не помню, Александровский съезд только запомнил, с него как раз на проспект выходишь... каждое здание горит и переливается, ей-богу, там ночью света больше, чем в нашем поселке днем! И жилье приличное подыскать можно, я узнавал... поедем?

– Да ведь не на что ехать, милый, – Лиза вживалась в роль, тон ее сделался теплее, только нотки снисходительности изредка проскальзывали, но это и раньше случалось.

– У моего отца деньги есть, неужто не слыхала?

– Как не слыхать! Все знают в деревне, что обувщик деньги копит.

– Это ведь для меня, Лиза! Я осенью на учебу поступлю и уеду отсюда. Ты раньше не хотела в Город, я и отказывался поступать. А если ты со мной, так мы быстро все устроим!

– Хватило бы денег твоего отца, в столице жить дорого.

– Так ведь тысяч двести уж лежит, как ни больше! На первое время наверняка хватит, потом еще появятся.

– Двести? Я столько и не видела никогда...

– У тебя Радлов богатый, в завод, поди, гораздо больше вложил.

– То завод. Мы же с мамой – не завод. Да и отчим никому не скажет, где средства хранит, – девушка грустно улыбнулась, как бы с обидой то ли на родителей, то ли на жизнь. – Его резать будут, не скажет.

Тут Лизавета вздрогнула, лицо ее исказилось в настолько жуткую гримасу, что заметно было даже сквозь густую тень, а рот судорожно раскрылся и против воли своей обладательницы исторг из себя истерическую, горячую мольбу:

– Илюша, миленький, сил нет до осени! Не могу здесь больше, ни дня не могу! Хороший мой, да ведь мы на эти деньги прямо сейчас можем сбежать и поехать, куда глаза глядят! Знаю, трудно придется, надолго не хватит, но мы потом еще найдем, мы заработаем, а пока...

– Сейчас не получится. Отец не позволит мне.

– Но мы могли бы..., – девушка осеклась и не договорила. Слово «украсть», которое чуть не слетело с языка, так и осталось на его кончике. Неприятным оказалось это слово, отвратным на вкус – произнести такое сложнее, чем сделать. Да и не согласится Илья собственного отца ограбить. А коли и согласится, что с того? Ну к чему Лизавете в Городе этакая обуза, нерешительный мальчик, всем своим видом напоминающий о прежней, скучной и гадкой, жизни, всем телом пропитавшийся испарениями здешней земли, подгнивающих домов, насквозь пронизанный ветрами с холмов, так что ветры эти уж внутри у него дуют, в сердце дуют, изгоняя оттуда всякий огонь и всякую страсть... к чему?! Нееееет, тут надо продвигаться осторожней, быть более осмотрительной, в руках себя держать да по возможности не срываться.

– Что могли бы? – спросил Илья в недоумении, но Лиза успела опомниться и сказала:

– Ничего, милый. До осени ждать не так уж и долго, правда?

– Правда, хорошая моя! – юноша заулыбался, встал с полки, обнял девушку и крепко прижал к себе. Та не сопротивлялась, а для убедительности даже рукой по его волосам провела – несколько раз, от макушки до самой шеи. Она с удивлением обнаружила, что никакого отвращения при этом не почувствовала. Правда, радости не было тоже. Гладить прежнего возлюбленного было и не мерзко, и не приятно, а просто никак.

– До осени-то мы с тобой дотерпим. Илюша... только вот бы хоть одним глазком на эти деньги взглянуть!

Илья жадно обнимал ее и молчал.

– В них ведь заключено наше будущее! – продолжала Лиза восторженно, с каким-то слепым остервенением в голосе. – Очень хочется собственными руками потрогать то, что обеспечит нам лучшую жизнь! Убедиться воочию, что действительно решено всё и подготовлено. Ты ведь знаешь, где они спрятаны?

У Лизаветы перехватило дыхание... Илья помедлил, но кивнул утвердительно.

– А ты... покажешь мне их?

Когда совсем рассвело, приехал Радлов.

С самого утра, еще затемно, в селении хватились Лизы. Тома вместе с другими женщинами селения рыскали по всем дворам и закоулкам в поисках беглянки. Потом к ним присоединился Лука. Он между делом поведал, как накануне застал пропавшую у себя дома, и беспокойство местных усилилось – принялись гадать, решилась ли девушка на побег из поселка без необходимых средств или попросту утопилась от отчаяния в озере.

Благо, недалеко от Луки проживал один хромой старичок, Матвей (дед Матвей, как называли его в селении за древность и добродушие). Старичок рассказал, что Лизавета ночью вытоптала ему весь участок и побежала затем в сторону железнодорожной станции. Странно, конечно, думать, будто пожилой человек разглядел что-то на большом расстоянии, к тому же ночью, однако местные поверили – у деда с годами развилась сильная дальноркость, так что он ближе вытянутой руки ничегошеньки не видел, зато в отдалении умел чуть ли не за двести метров мелкие предметы различать.

Тома передала слова Матвея Радлову, и тот на машине отправился к станции.

В домик он ворвался с такой же одышкой, с какой явился Лизавете во сне, да говорил почти то же, что во сне, с той лишь разницей, что о заводе не упоминал. Девушка частичному повторению ночного образа удивилась, хотя в действительно удивительного-то ничего не произошло – нашему подсознанию легко предугадать поведение человека, если мы знаем его столь

же долго, сколько Лиза знала отчима. Вообще всякое предсказание есть всего только высокая осведомленность о предпосылках, ибо конец истории зачастую содержится в ее начале.

Впрочем, уже выводя падчерицу и юношу на улицу, Радлов данную теорию опроверг, сделав то, чего от него уж точно не ожидали – обнял обоих, сияя от радости, сначала поочередно, а затем вместе, буквально заграбастав огромными своими лапищами, и сказал при этом что-то вроде: «как же здорово, что вы помирились». Лиза вся сжалась, испугавшись, что ее замысел раскроется, но Илья по наивности ничего не понял.

Неизвестно, правда ли Радлову настолько сильно понравилось примирение молодых, или он просто так задергался с заводом, что разрешение одной проблемы воспринял, как избавление от всех бед, но восторгом своим этот огромный человек заразил по возвращении и Тому, и беспокойного Луку.

Родители с двух сторон решили на счет Лизы, что, мол, девочка наконец перебесилась и определилась с выбором. Даже у Луки все сомнения почему-то разом исчезли. Внимательный наблюдатель, конечно, уловил бы в Лизаветиных приступах нежности по отношению к «избраннику» явную фальшь, ибо для хорошего притворства артистизма девушке недоставало; да в том беда, что ослепленные радостью люди крайне редко выступают в роли внимательных наблюдателей.

Чуть позже робко заговорили о свадьбе. Потом заговорили о свадьбе уверенней и во всеуслышание. Лиза не противилась, дабы совершенно усыпить родительскую бдительность.

Вообще после того, как Илья все-таки пообещал показать деньги тайком от отца, она сразу как-то успокоилась, усмирила свой нетерпеливый нрав и принялась ждать удобного случая. Случая ждал и сам Илья, чтобы произвести на возлюбленную впечатление.

Только вот не было никакого случая. Лука из дома отлучался ненадолго, вернуться мог в самый неподходящий момент, Лизавете же рисковать не хотелось. Для исполнения ее замыслов действовать следовало наверняка, ибо второй попытки, увы, не имелось.

Казалось бы, Луке давно пора отправиться к Радловым для обсуждения возможной свадьбы. Однако о свадьбе хоть и говорили уверенно, детали обсуждать не торопились – прежде всего, потому, что Петр Александрович находился в дурном настроении. Снег, под которым чуть не сгнула его приемная дочь, через пару дней опять начал таять, и опять исключительно в низине – бедный Радлов ни о чем другом думать не мог. Строил безумные теории, рассуждал о грядущих бедствиях, утомляя тем жену, или просто безучастно лежал на диване да глядел в потолок, как бы отрекаясь от внешнего мира.

Неизвестно, сколько бы это длилось, но март как-то незаметно кончился, и с наступлением апреля во внешний мир лихо и резво ворвалась весна. Сугробы начали таять повсеместно, с холмов полились ручьи, ветры принесли в долину теплый воздух. Селение начало потихоньку оживать, а вместе с ним ожил и Петр Александрович. Стал вдруг больше улыбаться, суетиться по хозяйству, подготавливать ферму к предстоящей летней торговле.

Кроме того, он наконец пригласил Луку. Последний обрадовался, поскольку успел основательно засидеться в четырех стенах да заскучать. Кое-кто, впрочем, обрадовался гораздо больше.

Лиза.

За последний месяц ей до такой степени осточертело разыгрывать из себя счастливую «невесту», что она уже готова была плюнуть и на свой план, и на мечты о побеге в столицу, сознаться во всех прегрешениях да жить дальше в селении, лишь бы без притворства. Даже Илья девушке опротивел, хотя раньше не вызывал в ней никаких по-настоящему отрицательных чувств, только жалость и – немного – безразличие. Повезло еще, что юноша был наивен, порой до глупости, и влюблен, причем тоже до глупости – на редкость встреч не обижался, откровенно скучающих мин не замечал, холодность тона списывал на предсвадебное волнение.

Так или иначе, седьмого апреля, вечером, семейство Радловых в полном составе ожидало Луку с сыном в гости. Стол был накрыт, дом прибран, полы отдраены до блеска. Лиза замерла в своей комнате в немом ожидании...

Глава шестая. Бусы. Разгром

Земля обнажилась и была черна – лишь изредка встречались еще рыхлые снежные холмики, где-нибудь под горой или за камнем, куда почти не проникал дневной свет, но и они постепенно серели да вваливались внутрь. Слишком быстро пришло тепло в том году, слишком быстро расцвела весна, оттого в низину со склонов разрушенной горы устремились обильные водные потоки. А если учесть то обстоятельство, что под селением медленно оттаивали запасы подземных вод, от которых питались ставки, возникала угроза затопления.

Впрочем, все ручьи устремлялись напрямиком в Шонкар, освободившийся от ледового панциря, и озеро до сих пор проглатывало их без особых трудностей. Только слякоть царила жуткая – глину размывало до состояния полужидкой грязи, в каждом малейшем углублении, во всякой расщелине образовывались лужи, которые затем росли, захватывая все новые участки, что несколько осложняло передвижение жителей поселка.

Лука, отправляясь вечером к Радловым, натянул на себя сапоги из свиной хромовой кожи с высоким, до колен, голенищем, и Илью заставил обуться так же. Сапоги эти спасали от влаги, однако из-за своей тяжести вязли в глине, утопали в ней по щиколотку и замедляли путь.

Кроме того, из-за грубой выделки грязь налипала на них комьями, поэтому когда отец с сыном добрались наконец до места и перешагнули порог радловского дома – весь пол в прихожей оказался буквально заляпан бурой жидкостью. Лука тихонько извинился, сославшись на погоду, Илья потупился и промолчал, не зная, стоит ли ему извиняться вслед за родителем. Затем они по очереди разулись, и Тома бросила им под ноги влажную тряпку, чтобы грязь не разносилась по всем комнатам.

Петр Александрович провел их на второй этаж, в знакомую до боли залу (у Луки почему-то опять сердце сжалось, точь-в-точь как в прошлый раз), усадил за стол – напротив себя и рядом друг с другом.

Пригласили Лизавету. Та появилась, села на угол да тут же опустила глаза вниз – это, конечно, чтоб никто не видел, как глаза ее пылают нетерпением. Она все боялась, что какая-нибудь мелочь навряд ли неуместного выражения лица или смешка невпопад выдадут ее помыслы, и вела себя по возможности скромно, даже излишне скромно – этакая забитая овечка. Ах, если бы Лиза отличалась чуть большей прозорливостью, то догадалась бы, что прятать ей совершенно нечего: лишь она одна знала истинные причины своего настроения, но другие-то *не знали*, потому смешок невпопад приняли бы за признак предсвадебного волнения, а жадность на лице – за предсвадебное же ликование. Ах, если бы... но Лиза не умела посмотреть на ситуацию со стороны окружающих, продолжала осторожничать, даже не догадываясь, что именно такое тихое поведение и есть самое подозрительное. Однако никто, кроме Тамары, ничего особенного не заметил. Тома же, хотя ощутила небольшое беспокойство (как будто под сердцем иголкой укололи), значения не придавала – только пристальней стала глядеть на дочь, отчего та еще больше тушевалась, даже ссутулилась вся, словно это могло сделать невидимой.

– Коль дело решенное, – громогласно начал Радлов, – давайте обсуждать, что ли. Им все-таки целую жизнь вместе, свадьба должна хорошо запомниться. Будь моя воля – поженит бы по деревенским традициям – знаете, чтоб с размахом, чтоб гостей много, шумно, весело... вот как у нас с Томкой!

– Ой, да какой там размах! – Тамара недоуменно развела руками, но улыбнулась, выказывая доброе расположение. – У нас впопыхах все прошло, сумбурно. Тебе разве до того было? Медь ведь нашел тогда – ездил за бумажками на добычу. Чего сочинять-то?

– Полдеревни позвали, – заметил Радлов, хотя в голосе его появилась неуверенность. Он любил иной раз приукрасить прошлое и сильно терялся, если его уличали.

– Позвать-то позвали, да разве пришел кто?

Петр Александрович исторг из себя недовольное «а» и продолжил, не обращая внимания на жену:

– Я к тому, что надо бы нечто такое... монументальное. Да? Уместное слово? – он помолчал немного и, не дождавшись никаких мнений, сам себе ответил:

– Пожалуй, уместное. Правда, молодые теперь все очень умные сделались, какие-то у них в головах новые веяния...

– Веяния в голове лучше, чем ветер, – попытался пошутить Лука. Никто не улыбнулся.

– Все равно что ветер, начитаются... всякого! Я слышал, в столице иногда на протяжении всей церемонии только двое участвуют. Представляете? Двое! Никого не приглашают, расписываются между собой и дело с концом... разве можно?

– А мы-то как регистрироваться будем? – спросил Илья, потом от застенчивости покраснелся и больше уж за столом ни слова не проронил.

– Я в Город завтра поеду, – начал пояснять Радлов. – Узнаю день, когда регистрируют. Там вроде не ежедневно, да и запись ведется. Запишу вас на свободное число. Сами-то как думаете? А, Лиза? Раньше вам хочется или, наоборот, чтоб времени на приготовления хватило?

– Готовиться непременно надо, – ответила Лизавета, не поднимая глаз. – У меня и платья нет.

– За месяц успеем! Значит, завтра поеду и попрошу записать на начало мая. Числа этак пятого-шестого.

Девушка кивнула.

Тома между тем порхала над столом и следила, чтобы у собравшихся были полные тарелки. От ее внимания не ускользнуло, что Лиза и Лука вовсе ничего не ели. На дочь женщина поглядела сочувственно, списав отсутствие аппетита на робость, а гостью незаметно шепнула на ухо:

– Все свои, ешь.

Лука вне дома к пище никогда не прикасался, но тут почему-то машинально зачерпнул ложкой суп да попытался проглотить. Вся жидкость тут же вылилась из перекошенного вечной улыбкой рта обратно в тарелку, по правой стороне подбородка, часть разбрызгалась по столу, а из глаз хлынули слезы, как и всегда при приеме пищи.

– Лука, ты чего? – забеспокоился Радлов. Тома, зная об особенностях недуга, положила руку мужу на плечо и заставила замолчать.

Возникла небольшая заминка. Незадачливый гость вытер платком лицо и стол, отставил тарелку, оглядел собравшихся с той невольной неприязнью, с какой больной всегда почти смотрит на здоровых, убрал платок и усталился на свои руки, не зная, что сказать.

– Ты прости, меня ж предупреждали, – залепетал Петр. – Тут все знают, что у тебя... так... ты прости.

– Да уж переживу. Давайте, может быть, продолжим?

– Так я на чем остановился... с регистрацией вроде разобрались... как съезжу, решим прочее, – Радлов никак не мог собраться с мыслями после своей оплошности. Жена ему, конечно, рассказывала, что их друг за едой всякий раз рыдает навзрыд, ибо физиология у него такая от паралича мимических мышц, да оно как-то забылось за разговорами, потому теперь было стыдно, даже немного зло взяло. Гнев свой глава семейства очень хотел излить на кого-нибудь подходящего, безропотного, и тут взгляд его упал на падчерицу:

– Лизавета! Долго молчать собираешься? Нет, вы поглядите! Села с краю как неродная!

Лиза вздрогнула, ибо воспаленному ее воображению на миг почудилось, будто тайный замысел раскрыт, оттого и крики. Затем поняла, что отчиму просто нужно на ком-то отыгаться, успокоилась, громко выдохнула и ответила:

– Месяц – срок достаточный. Платье подобрать успеем. А так я со всем согласная.

– Согласная? Тихоню-то не строй из себя, – Радлов помолчал с минуту, копаясь в себе и определяя, вся ли злость вышла или следует еще немного пожурить дочь; улыбнулся, как бы демонстрируя всем, что гневная вспышка окончена, и вновь переключился на Луку:

– Я вот что думаю. Коли ты деньги на переезд копил, пусть так и останется. Свадебные расходы мы на себя возьмем.

– Можем и то, и то пополам.

– Брось! Так оно проще выйдет, уж поверь мне.

Долго еще обговаривали всевозможные мелочи, переливали из пустого в порожнее, да только Лизавета не слушала. Сидела, как на иголках, смотрела то на часы, стрелки которых скреблись по старому циферблату и возвещали о потере драгоценного времени, то за окно – там сумерки сгушались.

Не выдержав, она пошептала с Ильей (Илья слегка побледнел и кивнул), потом обратилась к остальным:

– Можно нам прогуляться?

– Чего? Это как же? – удивился Радлов.

– Вашу судьбу обсуждаем все-таки, – вторила ему Тома.

Лука же поглядел на девушку хитро – от болезненного прищуря, а не по настроению – и произнес:

– Пусть уж гуляют, если на месте не сидится. Лиза заодно и подарком похвастается, – тут он подмигнул, и глаза его сделались вдруг хитры на самом деле, блеснула в них приятная лукавая искорка.

– Каким подарком? – девушка уставилась на собеседника вопросительно.

– Я давным-давно в столицу ездил. Купил тебе кое-что, да, видишь, всю зиму не заходил, не мог вручить. И в прошлый раз ты так быстро убежала, уж там было не до сувениров. А теперь... на вот, держи.

И Лука достал из внутреннего кармана несколько сияющих шариков, скрепленных между собой нитью – в шарики затекало умирающее солнце, пробивающееся сквозь окно багровыми лучами, по потолку и всей комнате от этого рассыпались яркие алые отблески, и девушка, ослепленная подобной игрой света, не сразу поняла, что ей протягивают бусы. Бусины снаружи были полупрозрачные, а внутри в них словно застыли капельки крови, что придавало сердцевине особую насыщенность.

– Цвет такой интересный, – сказала Лиза, принимая подарок в руки. Она смотрела, как замороженная, стараясь пробуровать круглую поверхность до самого центра, вобрать эти застывшие капли крови в себя, попробовать на вкус, насытиться ими. – Красный? Лиловый? Не пойму...

– *Амарантовый*, – уточнил Лука. – Он зажат в цветовом спектре между красным и пурпурно-розовым и назван в честь растения амаранта, соцветия которого имеют чаще всего тот же оттенок.

– Спасибо, – прошептала девушка с чувством, перегнулась через стол и обняла дарителя, причем обняла с каким-то болезненным надломом.

– Ну хватит, хватит... теперь вот и прогуляться можете.

Лизавета поднялась, а дальше произошло нечто странное: все тело ее развернулось, дернулось в сторону выхода, только ноги почему-то не послушались, будто к полу намертво приклеились, даже вросли в него. Девушка потеряла равновесие, пошатнулась, но и это не помогло оторвать подошвы от поверхности, так что Радлову пришлось привстать и подать ей руку для опоры. На спасителя она едва взглянула, да так дико, что тот отшатнулся, а затем уставилась на Луку с видом затравленной собачонки, рот ее раскрылся... но ни новой благодарности, ни признания, ни банального «прости» из него не вырвалось. Лиза взяла себя в руки, отвернулась резко и решительно и покинула комнату. Растерянный Илья последовал за ней.

Через некоторое время внизу громко хлопнула дверь, и Петр Александрович сказал:

– Вечно ты ее, Лука, балуешь. Украшение красивое, но зря. Девка взбалмошная, подарил бы уж после свадьбы. И зачем гулять? Ради них же собрались... а они, вишь, гулять!

– Пусть веселятся, пока могут.

– Может, ты и прав. Слушай, Лука, ты прости нас, что долго не приглашали. Ну, знаешь, выглядит так, словно с приготовлениями тянули...

– Петя плохо себя чувствовал, – вмешалась Тамара.

– Ты опять, что ли, из-за снега переживал? – догадался гость.

– А тебе самому разве не показалось странным? Сейчас везде тает, но на прошлой неделе-то? Кругом белым-бело, только здесь земля голая стояла. Не диво ли?

– Обычное дело, если по весне снежный покров сходит неравномерно.

– Второй раз, – Радлов помрачнел, глаза его, до того радостные, внезапно потухли и совсем потерялись в складках плотного, широкого лица. – Второй раз, разве так бывает? Нет, тут все дело в заводе.

– Экая связь интригующая, – съязвил Лука и улыбнулся (то есть он, если говорить точно, вообще всегда улыбался, а тут как-то больше обычного).

– Ты не издевайся, послушай лучше, – Петр с трудом выбрался из-за стола, сотрясаясь необъятным своим туловищем, дошел до угла комнаты, где громоздилась тяжелая деревянная тумбочка, в ней одним резким движением вытащил верхний ящик, начал рыться там, не прекращая при этом говорить:

– Я машины давеча проверял. Не на месте стоят. Под тем же холмом, только по-другому. Будто их перегонял кто, к работе подготавливал.

– Петенька, да разве Луке это интересно? – перебила Тамара, не раз уже слышавшая и про завод, и про машины, и порядком уже уставшая от подобных рассказов.

– Не мешай, Тома. Должно быть интересно, коли он в прошлый раз пошел проверять, действительно ли технику заменили на новую. Пошел ведь?

– Да, – признался гость. – Заменили, тут ты верно подметил. А что с того? Положим, завод действительно наконец построят. Ты мне скажи, разве это было бы плохо? Производство обеспечит рабочие места, тебе ли не знать. Да и причем тут, в конечном счете, снег?

– Ты погоди, скоро все поймешь. Снег-то, может, теплотрассу какую в котловане проложили... а может, и не проложили ничего. Я, знаешь, в Городе, в конторке одной, запросил документы по капиталу предприятия, – Радлов извлек из тумбочки лист бумаги и начал читать вслух:

– Владельцами долей записаны, значит... Ме... Мелехин, Артемьев, Виноградов и Гуревич. Управляющими числятся, прежде всего, тот же Мелехин, у него, кстати, доля средств самая большая, и я.

– Рад, что ты наконец разобрался, кому последнюю часть отписал.

– Нет-нет, я не им отписал.

– А кому же?

– Тут, понимаешь, юридические тонкости позволяют закрепить долю предприятия за самим предприятием, и трогать ее более уж нельзя. Так вот все, что у меня оставалось, я фактически передал самому заводу.

– Выходит, кто-то из упомянутой четверки зашевелился.

– Ага. В гробу, – Петр вытащил из ящичка несколько бумажек, смял их своей лапицей да, вернувшись к столу, разбросал прямо перед Лукой. Ох, и страшным было лицо Петра в тот миг! Темное, сосредоточенное, глаза горят, и огоньки в них такие, что впору заподозрить безумие.

– Вот! – воскликнул он победоносно. – Копии свидетельств о смерти всех четверых, из той же конторы. Померли владельцы-то, я ведь объяснял!

Радлов громко расхохотался, отчего Тома вздрогнула, но ни слова не проронила – успела свыкнуться с выходками супруга. Лука же явно занервничал и, глядя в сумасшедшие глаза собеседника, проговорил:

– Успокойся, бога ради.

– Как тут успокоиться! От мертвых добра ждать не следует, – безумец без сил опустился на стул, словно хохот полностью вымотал его, вздрогнул и, перебив собственные рассуждения, начал о другом:

– Теплотрасса, значит. Могли ее проложить в столь короткий срок? Допустим, могли, да ведь землю рыть надо, трубы укладывать надо, котельную оборудовать, чтоб воду нагревать перед подачей. А ведь нет никакой котельной. И землю не рыли. Что получается?

– Что? – Лука тоже почему-то заволновался, придвинулся ближе, как загипнотизированный, зрачки его расширились, изувеченный рот скривился еще больше, ушел куда-то вправо и вниз.

– А то, что никакая под нами не теплотрасса. Под нами будто преисподняя накаляется. Будто котлы адавы прямиком под селение перетащили, и они теперь поверхность снизу разогревают. Знаешь, как на печке сидим.

– Ну, тут ты перегнул. Враки это все.

– Боюсь я, – сознался вдруг Петр. – Может, лучше сейчас детей в столицу отправить?

– На свадьбу?

– Навсегда. Непокойно мне, понимаешь? Кабы беды не вышло.

– Дети наши молоды, головы у них горячие. Да и столица коварна, способна все деньги из человека высосать за очень короткий срок. Как Илья потом учиться станет, на какие средства? Уж поженились бы здесь, а ближе к осени, глядишь, и...

– Не слышишь ты меня, Лука, ой не слышишь! – Радлов вскочил, перешел на крик, угрожающе сжал огромные кулачищи и даже чуть надвинулся на гостя. – Говорю тебе, не к добру вся эта история заводская зашевелилась, потому как с душком история-то! Заладил – ближе к осени, ближе к осени! Дожить еще надо всем... до этой твоей... осени.

От крика он запыхался и теперь тяжело дышал. Тамара усадила его на место, вложила в трясущиеся руки стакан с водой да ласково залепетала:

– Ну что ты? Сядь, попей немного. Твое волнение более чем понятно, но детей сейчас в столицу гнать невыгодно, сам ведь знаешь.

– Аааа... и ты, – Петр поставил стакан на стол, не сделав ни одного глотка, отошел к окну и замер. Комнату наполнял звук его сбившегося, надрывного дыхания – словно огромный насос работал.

Тамара устроилась рядом с Лукой, откинулась на спинку дивана, протянула:

– Видишь, как оно. Ой, хоть бы со свадьбой скорей разобраться, сил нет.

– Разберемся, не переживай. Извини, я к матери твоей не успел пока зайти. Как она?

– Да все так же. Проведали недавно. Босая больше не бежит – так уже хорошо. Они мне с двух сторон одну песню поет, – слабая улыбка. – Мол, скоро горе какое-то приключится...

– Детей долго нет, – вмешался Радлов, очнувшись.

– Вернутся, поди, – отозвалась Тома. – Ты, Лука, с нами будь, с Ильей потом вместе домой пойдете. Все равно они с Лизкой сюда явятся. Ей, кстати, бусы твои очень понравились! Где брал?

– В Городе, зимой еще, в одном магазинчике с украшениями.

– А как глядела-то перед уходом! – продолжала женщина, не обращая внимания на ответ. – Не пойму, что у нее на уме.

Часы отбивали свой привычный такт, за окном совсем стемнело, ночь медленно наполнила на селение, поглощая дома, гася блики света, пляшущие на поверхности озера и много-

численных луж. Петр успел усмирить свой пыл, вернулся к столу, и теперь все трое пили чай да по-дружески болтали ни о чем.

Тут дверь внизу громко лязгнула, послышался стук обуви об пол, и на пороге залы предстал Илья. Один.

– Где ж Лизавета? – разом поинтересовались все присутствующие.

– У бабушки. Говорит, соскучилась, до утра останется.

– Точно! – воскликнул Радлов. – Тома, маму твою ведь на свадьбу пригласить надо! Ох, Инка за внучку порадуется!

Все заулыбались, только Тамара в очередной раз почувствовала под сердцем укол беспокойства. Теперь он казался сильнее, так что сил на полноценную улыбку у женщины не хватило – так, только уголки губ чуть дрогнули.

– На том берегу гуляли? – спросил Лука.

– Да.

– А чего не предупредили? Только круги зря наматываешь.

Илья молча пожал плечами. Вскоре они с отцом отправились назад – обогнули котлован, залитый грязной водой, сделали привычный крюк, огибая озеро, и оказались посреди родного двора.

Дверь, ведущая внутрь дома, была оставлена нараспашку. Это насторожило Луку еще издали, он ускорил шаг и почти вбежал в прихожую.

Кто-то устроил настоящий разгром: один из обувных шкафов был сломан и опрокинут навзничь, повсюду валялась рваная и отремонтированная обувь, отдельные подошвы, каблуки, кожа на выделку. Две половицы, на которых раньше стояла упавшая мебель, были выдраны. Заметив разобранный пол, хозяин потревоженного дома изменился в лице, поскольку именно там прятал свои сбережения, с ужасом прошептал:

– Боже... деньги, – и ринулся к образовавшейся яме.

Пачка в газетной бумаге лежала на месте, однако стала намного тоньше. Лука судорожно развернул обертку, пересчитал деньги и удостоверился, что чуть меньше половины, а именно девяносто шесть тысяч, украдено.

Тут в помещение зашел Илья, сохранявший неторопливый шаг на протяжении всей дороги. При виде царящего в прихожей хаоса он остолбенел, уперся спиной в стенку и стал сползать по ней вниз, заваливаясь набок. Кожа на его лице сделалась блее растаявшего недавно снега.

– Вы? – спокойно спросил Лука. Сын ничего не ответил, потому пришлось повторить вопрос громче:

– Вы?!

– Мы ведь на место убрали, – хрипло сказал юноша, от страха еле ворочая языком. – Мы на место... а она только посмотреть хотела...

– И ты показал?! Боже, какой дурак! – отец вспылil, но, увидев, что Илье совсем плохо, тут же понизил голос до обычного:

– Ладно, не переживай очень-то. Говоришь, к бабушке пошла?

Инна Колотова обитала через три дома, и отец с сыном направились в ее сторону. Лука старался сохранять самообладание, надо сказать, весьма успешно. Хотя никакой особенной заслуги в том нет, и так называемое «самообладание» давалось довольно легко по той причине, что он просто не знал, как себя вести. Существуют непосредственные люди, чувственные, у таких на любую ситуацию и всякое происшествие мгновенно рождается эмоциональный отклик. Местный обувщик к подобным людям не относился – ему необходимо было сначала осмыслить событие, тем паче, если ничего подобного раньше в его жизни не происходило, затем разработать определенный план действий да неуклонно ему следовать, а вспышки гнева,

вроде той, когда он накинулся на Илью в прихожей, случались с ним до крайности редко и быстро угасали. Потому и сейчас, по пути к тамариной матери, Лука мысленно набросал себе некоторый порядок действий.

Добравшись до невзрачного жилища старухи, он громко постучал в окно и крикнул:
– Инна, открывай! Лизвета потерялась!

Глава седьмая. Побег

Примерно за два часа до этого пропавшая Лизавета вместе с Ильей вышла и родительского дома. Неспроста поглядывала она на часы в зале – ей необходимо было подгадать время и успеть на поезд, да при этом не появиться на станции чересчур рано, иначе могут поймать. Речной путь хотя и освободился ото льда, но представлял опасность из-за ледяных глыб, изредка встречающихся по течению; поезд же в тот день согласно расписанию следовал всего один, в вечерний час, правда, не в столицу, а наоборот – из столицы по направлению к северным поселениям, крайнее из которых располагалось там, где уже начинались мерзлота и ледники. Впрочем, Лиза вполне справедливо рассудила, что, во-первых, дожидаться следующей такой же возможности улизнуть не слишком-то разумно, ибо она может вовсе не представиться, во-вторых же, что гораздо проще добраться до Города из замерзшего крайнего поселения с деньгами, нежели из дома без денег. Таким образом, надо было во что бы то ни стало на поезд попасть, причем попасть вовремя.

Да вот беда – у Радловых засиделись слишком, и теперь приходилось идти в быстром темпе, почти бежать, не обращая внимания на слякоть. Запыхавшийся спутник не поспевал за ней – тащился позади на значительном расстоянии, все время вязнул в полужидкой глине и вообще с трудом волочил ноги.

– Ты можешь быстрее? – вспылила в какой-то момент девушка.

– Не могу, – ответил Илья, жадно глотая воздух; потом остановился и коротко объяснил:

– Сапоги.

Сапоги действительно оказались тяжелыми и для быстрой ходьбы, тем паче для бега, несколько не пригодными. Грязь налипала на них комьями и добавляла веса. Тем не менее, кое-как добрались, хотя юноша постоянно отставал, а Лизавета впопыхах поскользнулась у края котлована и чуть в него не опрокинулась.

Крыльцо жутко скрипело, на каждый шаг отзываясь каким-то пронзительным визгом. Девушка даже вздрогнула – от перенапряжения у нее донельзя обострился слух, так что этот надрывный скрип буквально резал уши.

Пробравшись в прихожую, Илья включил слабый фонарь, болтавшийся под самым потолком, и молча встал перед Лизой, словно ожидая от нее определенных указаний.

– Ну! Чего же ты медлишь? – девушка проявляла явное нетерпение. В ней больше не осталось сил для обычного притворства, потому из голоса исчезли последние оттенки нежности, даже проявилась некая грубость. Провожатый ее, правда, волновался ничуть не меньше, так что смены настроения не заметил.

– Давай же! – вновь поторопила невеста, и юноша принялся покорно отодвигать один из обувных шкафов. Шкафы стояли в углу, в небольшом закутке, были доверху нагружены всевозможной обувью, и сдвинуть их с места стоило немалого труда. Илья изо всей силы вцепился в боковую стенку, уперся ногами в пол, попытался приподнять обувную громаду, но тщетно. Тогда он стал оттаскивать шкаф волоком, и тот медленно поддался, шатаясь да изрыгая из-под себя такие звуки, словно пол под ним сдирался чуть ли не до основания.

Затем отогнул две половицы и вытащил сверток газетной бумаги, перемотанный поперек обрезком веревки. Принялся захлеб что-то лепетать, вот, дескать, наше будущее, сможем уехать и прочее, но Лизавета не слушала – не могла разобрать слов, такой вдруг на нее напал восторг от того, что все смелые замыслы обрели наконец плоть, и не какую-то мифическую, а вполне реальную плоть, сотканную из куска газетной бумаги, бечевки и денежных купюр. Купюры она пересчитала, якобы чтоб на будущее знать точную сумму, завернула и убрала на место.

Илья придвинул шкаф обратно, смахнул пот со лба и попытался поцеловать девушку, надеясь на некое вознаграждение. Вознаграждения, однако, не последовало – Лиза оттолкнула его и выскочила на улицу.

– Прости, – выдавила она из себя, когда юноша покинул дом вслед за ней. – Очень трудный день, понимаешь?

На обратном пути Лиза якобы случайно вспомнила о бабушке, сообщила своему несчастному жениху, что хочет порадовать ее новостью о предстоящей свадьбе, и практически сбежала, не дав тому никакой возможности ни возразить, ни выступить в роли сопровождающего. Так Илья в недоумении поплелся на другой берег озера, а девушка вернулась к обиталищу Луки.

Замысел изначально был довольно прост – выведать, где спрятаны накопления, тайком выгащить их и сбежать. Увы, столь легкому замыслу пришлось туго в схватке с тяжеловесом, ибо никто не предполагал, что обувной шкаф, скрывающий заветный тайник, окажется неподъемным. И стучала об него кулаками Лизавета, и пыталась содрать заднюю фанеру, скрепляющую толстые стенки, и обхватывала, чтоб оттащить подальше – все без толку.

– Боже, нет, – молила она, дергая этот деревянный гроб для обуви во все стороны. – Нет, нет, нет!

Отчаяние, впрочем, придало ей сил, и при очередном толчке деревянная громада рухнула со страшным грохотом и раскололась – полетела рваная, неказистая обувь, поднялся столб вековой пыли, серебристой в свете фонаря, но вскоре все стихло и замерло, пыль улеглась, стены дома перестали дребезжать, рябь в воздухе, которая часто возникает при резком падении чего-то очень тяжелого, сникла. Девушка выдрала нужные половицы, жадно схватила сверток с деньгами и уже собиралась бежать, но что-то внутри у нее екнуло – то ли зашевелилась совесть, то ли проснулась благодарность. Она достала зачем-то бусы, полюбовалась некоторое время алыми отблесками, потом развернула пачку, отщипнула половину денег, как ей казалось (на самом деле несколько меньше, глаза от внезапного приступа чувственности соврали) и действительно отправилась к Инне Колотовой.

Пользуясь бабушкиным болезненным состоянием, Лиза загодя оставила там все необходимые вещи, а именно небольшой чемодан и две сумочки для предметов первой необходимости, так что оставалось лишь забрать их. Инна встретила внучку тепло, стала приглашать на чай, но девочка отмахнулась, оставила старухе несколько купюр из пачки Луки, показывая тем самым особую родственную привязанность, и двинулась в путь.

Стремительно пересекла уже знакомое поле, с приходом весны посеревшее и насквозь промокшее, дождалась поезда да навсегда покинула ненавистные родные края.

Ощутила ли она свободу там, в душном вагоне? Нет, никакой свободы не было. Вообще ничего не было, так что Лизавета пустым и тупым взглядом уставилась в мутное, дребезжащее от хода состава оконце. Снаружи скучно мелькали голые деревья, а за ними и перед ними тянулись две равные полосы – серая земля да иссиня-черное, как сгнившая слива, небо.

Глава восьмая. Поиски Лизы

– Инна, открывай! Лизавета потерялась!

Лука кричал и долбился то в оконную раму, то прямо в стекло, но никакого ответа не последовало. Правда, в доме через некоторое время загорелся свет, а по шторам скользнула скрюченная тень, словно хозяйке захотелось подглядеть, кто к ней ломится. Проводив эту смазанную тень взглядом и немного выждав, Лука снова постучал. И опять на плотную ткань шторы лег темный силуэт, замельтешил, заметался, но по-прежнему никто не откликнулся. Незваные гости дважды обошли дом, не зная, каким еще способом привлечь к себе внимание, потоптались у крыльца и собрались было уйти ни с чем, но позади послышался наконец скрип чуть приоткрывшейся двери, а в спины им глухой дрожью врезался старческий голос:

– Лука, ты?

– Я, я, открывай.

Звякнула цепочка, дверь с уже знакомым скрипом подалась вперед, и на пороге появилась сгорбленная Инна, с лицом сухим, землистым да в морщинах, которые особенно глубоко пролегли по лбу, как бы стекая кожаными складками к переносице, и по углам плотно сжатого рта. Руки у пожилой женщины были от нелегкой жизни жилистые, а глаза – от той же жизни – тусклыми и колючими, с навечно засевающим в них подозрением чего-нибудь непременно дурного, отвратного в любом, на кого они смотрели.

– Так поздно, – промямлила старуха, при каждом слове поджимая рот, как бы разваливающийся от усилия на две беззубые половинки. – Я ж грешным делом подумала, Тамару черти несут. А ты проходи, проходи... погодь-ка... кто там с тобой?

Колючие глазки неодобрительно уставились на Илью, топтавшегося позади отца.

– Сын мой, – пояснил Лука, перешагивая порог. – Неужто не помнишь?

– Отчего же, помню. Поди, из ума еще не выжила, – крикнула Инна, хотя по тому, с каким недоверием глядела на юношу, стало ясно, что на самом деле несколько она не помнит ни его, ни даже того факта, что у соседа имеется сын.

Впрочем, когда Илья входил в дом вслед за родителем, от робости цепляясь спиной за дверной косяк, хозяйка вдруг развеселилась и громко произнесла:

– Чего жмешься-то, дурень? Никто не кусается тут, – потом взгляд ее умаслился каким-то теплым чувством, и она добавила с непонятной гордостью в голосе:

– Лизонька так же вот пришла – жметесь чего-то, на меня не глядит. Ой, разбери, чего нонче этим молодым надобно!

Комната, куда прошли гости, была вся захламленная, неубранная, у стены громоздился старый расшатанный диван, в углу огромной грудой навалены подгнивающие доски. Промелькнула у Луки мимолетная мысль, зачем здесь эти доски, но спрашивать про них он не стал, дабы не отвлекаться:

– Говоришь, Лизавета приходила? Давно?

– Положим, приходила, тебе до нее какое дело?

– Так ведь нет ее нигде! Ни у нас, ни у родителей. Боюсь, мало ли, пропадет совсем...

– Она девочка хорошая, – строго перебила Инна. – А что у родителей нет, то и славно. Знаю я про них всё! Негоже!

Что означало туманное «негоже», старуха пояснить не удосужилась да начала о другом:

– У меня вон крыша протекает, намаялась прямо. Кто мне залатает-то? Аль, думаешь, дочь озаботилась? Ни черта не озаботилась! Нет, гиблые они люди теперь, нечего Лизоньке с ними! Уж поехала девочка учиться, так пусть уж... оно... с миром.

Лука с Ильей нетерпеливо переглянулись, затем первый уточнил осторожно:

– Учиться? В Город?

– Куда ж еще, Лука? Чего-то не видала я университетов в мелких деревнях, хоть и живу долго, – Инна хрипло усмехнулась.

– Когда уехала хоть? А то даже меня не предупредила.

– Да, почитай, час назад и уехала. Или больше? Часа полтора, так вернее будет. Оно и правильно, нечего ей там с этим боровом делать. Я смотрю, хиленький совсем сыночек-то у тебя. Чаю, может, будешь?

Последние слова предназначались исключительно Илье. Тот отрицательно замотал головой и пролепетал что-то вроде:

– Нет, спасибо.

– Ишь ты, спасибо! – опять усмехнулась старуха, отчего беззубый рот ее развалился на две половинки особенно сильно. – На кой мне твое «спасибо», ежели ничего не взял. Ты ведь молодой, у тебя кровь кипеть должна! Силы нужны, а ты, вишь, отказываешься, ходишь, ни бе ни ме. Лизонька, кстати, тоже поклевала, поклевала чуток да бежать. Такую, знаешь, тяжесть на себя... чемодан, в придачу сумки две! Я говорю, Лизонька, да как ж ты попрешь, отчего ухажеры не помогут! А она, представляешь, мне, ничего, мол, бабушка, донесу. До станции, мол, отвезут.

– Кто... отвезет? – спросил Илья и весь побагровел от тихой ревности, заподозрив одного из прежних возлюбленных Лизы, того самого, у которого наравне с Радловым машина в селе-нии имелась.

– Да бес проклятый и отвез вроде.

– Бес? – удивился Лука, между прочим подумав, уж не сошла ли с ума собеседница, от старости ведь всякое случается.

– Да Петр же, будь он неладен! Я ж Тому воспитывала, я же все-все для нее, души в ней не чаяла, – принялась причитать старуха, позабыв, однако, упомянуть, как ночью выгоняла дочь на улицу да кидалась на нее с кулаками.

Лука слушал неохотно, но виду не подавал – верно рассчитав, что вечерний поезд в любом случае успел отъехать вместе с беглянкой, он решил не прерывать Инну, дабы та нена-роком не обиделась. С возрастом ведь многие делаются вдруг обидчивы. А вот Илья заметно нервничал – переминался в углу с ноги на ногу, хмурился да постоянно дергал руками то ли от нетерпения, то ли от гнева, то ли из-за вскипавшей внутри гремучей смеси того и другого разом.

– Все муженек ее, – продолжала Инна жаловаться, не поздним своим гостям даже, а ско-рее в воздух, никому, лишь бы при свидетелях. – Настроил против матери, а я еще, дура старая, на их браке настояла. Ой, Лука, лучше б за тебя она вышла! Ты деньги честно зарабатывать умеешь, на хлеб всегда найдешь, а этот... что за беду на нас накликал!

– И что же он такого накликал? – с вызовом спросил Илья и даже вперед шагнул, поскольку старуха начинала его откровенно бесить. Лука шикнул на сына, но без толку – тот продолжал стоять, совершенно неожиданно для всех ослабившись.

– Кто у нас заговорил, поглядите! – съязвила Инна, а взгляд ее вновь сделался неприят-ным, как у змеи. – Увидишь еще!

Затем опять к Луке, намеренно игнорируя юношу (который, к слову, не нашелся с отве-том да мгновенно сник):

– Давеча ж приезжали сюда. Не пустила я их. Чего доброго, в приют сдадут... дом мой на себя переписут...

Илья, хоть и стоял, от растерянности уставившись под ноги, а невольно хмыкнул – ком-натушка загажена, в полу трещины (трещины-то он лучше всего успел разглядеть), кроме того, если верить хозяйке, крыша течет, кому такую рухлядь вздумается переписывать.

– Сказали, приезжай к нам, – из горла Инны стали вырываться плаксивые нотки. Нотки эти постепенно нарастали, заставляли без того дрожащий от дряхлости голос дрожать пуше

прежнего, так что к концу речь слилась в неразборчивое клокотание. – А как приезжать-то? Коли они у меня обувь отберут, чтоб я... по холодной земле... босая... со свету сжить меня хотят, вот что.

– Ну, Инна, ты всех нас переживешь, никто тебе зла не желает, – Лука успокоительно погладил старуху по плечу и попытался улыбнуться, да опомнился вовремя – перекошенная его, насильно вздернутая кверху улыбка едва ли может кого-нибудь приободрить.

– Желают! Еще как! Тома злющая стала, видать, растила я ее неправильно, баловала слишком. Вслед за своим боровом скупая такая сделалась, ничего не выклянчишь у нее! Последнего лишить меня готовы! Лизонька единственная отрада! Принесла вот...

Тут Инна извлекла откуда-то из-под халата несколько мятых купюр, показала их как неопровержимое доказательство внучкиной заботы да тут же спрятала обратно.

– Это..., – «мой», хотел сказать Лука, но не стал (так же, как не стал рассказывать о воровстве), – ... хорошо, что она о тебе беспокоится.

– Много ли нужно в моем возрасте? Мне же не надобно, а сердце вот греет. Вишь, кто-то обо мне старой позаботился, кому-то нужна я, выходит...

Губы старухи дрогнули, разжались, словно она хотела сказать что-то еще, но на улице истошно взвыла собака, сбив с мысли. Вой стоял протяжный и жуткий, будто душу какую заблудшую истязали. А уж от чего был этот вой – неведомо. Так, взбрело что-то в собачью голову.

– Пойдем мы, – проговорил Лука, воспользовавшись заминкой. – Ты уж прости, спешим. Я к тебе на днях загляну еще, крышу заодно посмотрю.

Когда отец с сыном вышли, собака продолжала надрываться – где-то через два двора. Потом обреченно пискнула, пару раз издала негромкий лай и смолкла.

– Мы должны скорее Лизу отыскать, – недовольно заявил Илья. – Зачем столько времени тратить?

– Ты бы помолчал, – спокойно, но грозно отозвался Лука. – Сам знаешь, был бы ты осмотрительней, так вовсе никого бы искать не пришлось. Лиза твоя с полчаса как в поезде, куда гнаться? Если на машине – так десять минут погоды не сделают, успеем до следующей станции аккурат к сроку прибытия. И с Инной впредь будь почтительнее – она, положим, не в себе, так не от хорошей жизни.

Быстрым шагом добрались до Радловых. Там, конечно, случился небольшой переполох. Тамара что-то запричитала, Петр вовсе рассвирепел из-за поступка падчерицы. Впрочем, поумерив злость, он первым делом отыскал в своем шкафчике с документами расписание железнодорожных составов и торжественно сообщил:

– Не поехала она в столицу! Сегодняшний поезд дальше на север идет. Три станции впереди, после ледники начинаются. Не бойсь, нагоним!

Организовали поиски. Радлов завел машину, Лука и Илья поехали с ним. Тома, помогавшая им собираться, лепетала, не унимаясь:

– Чуюла ведь, не так что-то с девкой, чуюла!

Затем машина тронулась, и сбитая с толку женщина осталась одна. Села в спальенке дожидаться мужчин обратно вместе с беглянкой да ненароком задремала. Снилось Лиза – уплывала вдаль рассыпающимся на куски образом да звала тихо и жалобно: мама, мама...

Мужчины вернулись только на рассвете. Пешком да по уши в грязи. Дорогу из-за растаявшего снега совершенно развезло, и где-то на середине пути до следующей северной станции машина наглухо застряла. Ближе к полудню деревенские по просьбе Петра поехали ее доставать двумя тракторами, так что справились лишь к концу дня.

Были и еще поиски. Поняв, что своим ходом по такой погоде не выехать, на третьи сутки Радлов сел на поезд, следовавший в том же направлении. Во втором по счету поселке девушку опознали – в гостинице, где она провела две ночи. Между прочим, сообщили, что постоялица

съехала буквально накануне и раньше срока, поскольку у нее прямо из гостиничного номера какой-то подлец выкрал сумку с деньгами, и, вроде как, наличности у бедняжки сохранилось не больше десяти тысяч (служащие подобного рода крайне внимательны по части подсчета чужих средств, ибо вынуждены заранее оценивать собственные выгоды). Новость, как ни странно, Радлова обнадежила, и по возвращении он победоносно объявил:

– Куда в столицу с десятью тысячами! Покутит недельку да вернется вся такая виноватая. Однако Лиза не вернулась ни через недельку, ни позже.

Глава девятая. Трубы

1.

Пока тянулись поиски, как-то незаметно кончился и апрель. Потеплело, распогодилось, в реке растаяли последние остатки льда, и лодочники потихоньку принялись готовить все необходимое для сезона – выволакивали на берег лодки, пролежавшие в сараях целую зиму, чинили весла, латали попорченный морозами и снегом причал, пробовали даже сплавиться, недолго и с осторожностью. Не то что бы дело их являлось особенно прибыльным, так, жалкие гроши, но, с другой стороны, кто встретит летний период во всеоружии, тот этих грошей соберет больше.

Вместе с рекой оттаяло озеро – вода в нем стояла мутная, тягучая, тоненькие ледяные корочки сохранялись лишь у самых берегов, в тени камней, куда не добиралось солнце.

Земля более-менее просохла, привычная дорога уж не обращалась непроходимой топью; деревья, несмотря на установившееся тепло, были еще обнажены, но кое-где хилые зеленые отросточки пробивались. Впрочем, поскольку селение в основном окружал хвойный лес, ни голых лиственных, ни робких отростков на их ветвях практически никто не различал на темно-зеленом фоне сосен и елей.

Привычный и незатейливый круг совершала природа, привычно и незатейливо жили деревенские. Они бы, казалось, и вовсе не отходили от зимней лени, однако в первых числах мая произошло обстоятельство, сильно их встревожившее.

Радловские машины стояли не на месте. Такие же бесхозные, бесполезные, из-за отсутствия работы напоминавшие брошенных истуканов, но... не на месте. Если бы они, как прежде, перемешались между собой где-нибудь под холмом, переехали под соседний, ближний, холм или, наоборот, отдалились от селения, или же произошло с ними нечто другое, пусть даже из ряда вон выходящее, на значительном расстоянии от основного жилого массива – жители бы не заметили, как не заметили в свое время подмену старых и ржавых механизмов на новые.

Однако машины безмолвно и грозно топорщились у котлована, а уж это бросалось в глаза всякому, порождая совершенно неоправданный, но до боли отчетливый всеобщий страх. Кто их перегнал – неизвестно. Поговаривали, будто сам Радлов и перегнал, чтобы его перестали считать сумасшедшим. Злословие у людей в крови, знаете ли.

Наряду с машинами, до сих пор обсуждали побег Лизы, хотя с гораздо меньшим жаром – новости имеют свойство остывать, течение времени для них пагубно. К слову, дальнейшая судьба беглянки не прояснилась нисколько.

Лука после истории с ограблением и своего непродолжительного участия в поисках из дома почти не выходил, разве только по крайней надобности. Он принимал заказы на починку обуви, желая восстановить прежний размер накоплений, работал по вечерам да неотступно следил за Ильей – тот с тоски ничего не ел, так что худоба его начинала уже настораживать, лежал целыми сутками без движения, горевал и о чем-то напряженно думал, словно мысль какую или идею вынашивал, а точнее, вовсе ничего не вынашивал, просто засело у него в голове что-то прилипчивое, навряд ли навязчивости; такое по тяжелому мутному взору всегда в человеке угадывается. Оставить Илью было невозможно – люди в подобном состоянии подчас чего только ни делают, если в одиночестве да уследить некому.

Если же находиться дома становилось совсем невозможным, Лука призывал на помощь Инну. Старуха соглашалась – во-первых, юнец ее забавлял, да и было кому в очередной раз пожаловаться на неблагодарную дочь, несносную жизнь и прочее, во-вторых, Лука обещал ближе к лету починить крышу, что, конечно, сильно способствовало укреплению добрососедских отношений.

Вот и сейчас, прознав про то, что машины переместились к котловану, обувщик оставил несчастного сына на попечении у Инны и пошел к Петру, ибо если происшествие свя-

зано с заводом, пояснить только Петр и мог. Нет, деревенские пересуды, все эти народные версии, одна сказочнее другой, небылицы и прочее мог поведать первый встречный, однако одно дело знать местные слухи, и совсем другое – знать истину. Лука предпочитал последнее в силу нетерпимости к разного рода небылицам.

У Радлова в доме стало как-то тускло, пусто, да и сидели на сей раз почему-то на кухне под лестницей, за узеньким столом, а не в комнате на втором этаже. Кухонное оконце было расположено донельзя низко, почти у самой поверхности грунта – в него лезла грязь и ломилась земля, не оставляя места ни единому кусочку неба. Глядишь в такое окно и ощущаешь себя в гробу. Внутри помещения царил хаос – котелки свалены в кучу, печка почернела, повсюду немытая посуда, стоит назойливый затхлый запах.

Радлов тоже изменился – сидит этакой обмякшей массой, с потухшими глазами.

– Запустил ты хозяйство, – заметил Лука, усаживаясь напротив. – Мыши заведутся, не боишься?

– Да ну их, мышей, – Петр махнул рукой, безразлично осмотрел немые стены и столь же безразлично пояснил:

– Видишь, Томка уехала... и как-то...

– А Тома уехала?

– Так ведь Лизку искать, ты разве не знаешь? В столицу поехала, сказала, что без дочери не вернется. Я-то вместе с ней хотел, но пришлось вот остаться – скоро скотину закупать, корма, ярмарки, опять же, посещать. Лизка рано или поздно найдется, как пить дать найдется! А зарабатывать нужно, иначе что же есть, во что одеваться? Потому я здесь работать буду, а Тома дочку искать. Она мне пишет иногда, письма с проводником передает. Мы и график выдумали, чтоб я всегда поспевал на станцию за письмом – каждые пять дней, по расписанию удобно получается.

– Много уже писем?

– Одно. За вторым завтра поеду. Увы, первая неделя мая ни черта хорошего не принесла.

– Бог даст, найдет она Лизавету, не переживай, – Лука похлопал Радлова по плечу, дабы малость приободрить; в какой-то момент ему почудилось, будто рука при каждом хлопке врежется во что-то мягкое и неодушевленное, податливое, подобно мертвой плоти – настолько был Радлов безволен, что тело его буквально растекалось, отказываясь выдавать то привычное мышечное напряжение, которым живые отличаются от покойников.

– Да, Лука! – Петр встрепенулся. – Я тебе в июне возьму то, что Лиза вытащила.

– Брось! Разве в деньгах дело? Нет, лишь бы с девочкой ничего не случилось, потому что... да что ни думай, близкий же человек, совсем крохотной ее помню! Меня больше ее исчезновение волнует, а прочее... это все наживное, не беда.

– Может, и не беда, а столько работы впустию. Тебя ведь жалко. И главное, знаешь, ладно бы сама! В смысле, на себя истратила, опять же, ты говоришь, близкий человек, не так обидно, что ли. Так сперли прямо из гостиницы больше половины, вот в чем глупость! Вот что за девка, толком же ничегошеньки не умеет. Мыслимое ли дело, своровать да потерять тут же! Анекдот же! Ну чистый анекдот!

Тут Петр неестественно засмеялся, как бы в подтверждение своих слов – воздух вокруг ощутимо задрожал, задрезжала да смолкла в беспорядке сваленная посуда. Посреди кухоньки повисла неподвижная дымка, источая духоту и пыль, и там, в духоте и пыли, воцарилась тишина. Неудобной казалась эта тишина, вымученной какой-то, Лука успел подумать, что пришел зря, но Радлов в тот же миг глянул на него пристально, ввинтил ему в самое нутро омертвелый свой взгляд и заговорил:

– Я, знаешь, грешным делом порадовался. Да не то что бы порадовался, только слова нужного... облегчение? Пожалуй, оно. Я испытал облегчение. Ну, когда Лизка умотала. Думал же, вернется, отдохнем хоть от нее малость. Со взрослыми детьми вместе тяжело жить, сам

должен понимать. А сейчас Томка уехала, и тоже первый день, а то и два дня ничего, хорошо даже вышло, что уехала. Выдохнул как-то, вроде легче стало. Но со вчерашнего такая тоска нахлынула! Тяжело одному, привык я к ним очень. И если ругань, а бывает порой, из-за всяких проблем... все равно привык. Так что ты, Лука, тут прав – лишь бы с Лизой ничего не случилось. У меня ведь совесть... того... плохо же подумал, что вроде как рад.

– Не убивайся. Известный факт, отдыхать от других людей иногда нужно, в том числе и от самых близких.

– Тебе, может, и факт, у меня же столько книг нету, – Радлов ухмыльнулся, как любой неграмотный человек, гордящийся своей необразованностью. Впрочем, тут Радлов больше прикидывался, чтоб самолюбие потешить таким своеобразным способом – уж коль скоро он полжизни занимался добычей ископаемых, назвать его в самом деле неграмотным никак нельзя.

– И потом, все же понятно, – миролюбиво продолжал Лука, не обращая внимания на дружеский подкол. – Ты вроде как на заводе заиклился, а женщине оно разве нужно? Нет, ей бы хозяйство крепкое, в доме чтоб все хорошо было да ребенок пристроен. Конечно, она на тебя срывалась. Отсюда и облегчение твое нынешнее.

– Чего ж срываться? Разве не оказался я прав? У котлована машины-то, видал?

– Да, только что мимо них проходил, – Лука задумался на минуту. – Я, собственно, о машинах и пришел поговорить. Если по-хорошему, то мне... мне, выходит, извиниться надо перед тобой.

– Чего вдруг?

– Ты действительно предупреждал, что будут строить. Никто не верил. Я тоже не верил. А теперь вижу – не стали бы технику зазря к котловану сгонять, намечается строительство. Ты вот мне скажи только – кто?

– Кто их перегнал?

– Именно. Странная, видишь ли, история выходит! С вечера все тихо, люди спать улеглись, а наутро – глядь! – громады эти стоят. То есть некто под покровом ночи умудрился перевести технику, оставшись незамеченным, еще и шума не наделал нисколько.

– Думаешь, я? Приходили уже тут под окна, орали, зачем, мол... только вовсе это не я, хочешь верь, хочешь нет!

– Верю, верю, не горячись. И не думал даже... но кто? Может, есть какие-то соображения?

– Нет у меня соображений, – мрачно ответил Радлов. – И быть не может. Делают все так, словно нечистая сила замешана. А я с нечистой силой не знаком, не доводилось.

– И что, строиться тоже само станет, без рабочих?

– Почему я знаю? Поживем – увидим. Слушай, – тут Петр неожиданно сменил тему, – Илья-то твой как?

– Илья? – обувщик растянул имя сына, словно пробуя на вкус каждый звук, затем заставил опуститься вздернутые уголки своего рта, отчего нижняя часть лица совершенно побелела. – Как в ту ночь вернулись – машина-то еще твоя застряла, помнишь? – он в лесок. Думаю, наверное, что-то переосмыслить хочет, в одиночестве побродить, успокоиться. И тут какое-то чудовищное беспокойство охватило, рванул я за ним и... в общем... из петли его достал.

– Боже! Как?! – воскликнул Петр, испытывая неподдельный ужас. Он вообще был из таких людей, которых чужое желание уйти из жизни надолго выбивает из привычной колеи, вне зависимости от того, исполнено это противоестественное желание или нет.

– Решился как-то. Может, от стыда, может, от тоски. Любит, видать, Лизавету-то.

– Погоди, так ты ж его оставил сейчас!

– Нет-нет. Инна с ним сидит. У них, конечно, так называемый конфликт поколений налицо. Но в старухе столько жизни, несмотря на общую дряхлость. Глядишь, Илья от нее заразится и живой сделается. А то он все больше в себе.

– Да слава Богу, ты успел! Как представляю... жутко, нечего сказать. Я бы, конечно, на твоём месте Лизку проклинал.

– Зачем проклинять? У нее тоже, видимо, причина имела. И потом, ведь часть денег только взяла. Часть! Выходит, совесть в ней есть. Не совсем она, иными словами, испорчена, ее еще можно *спасти*, как объявится.

– Загадочный ты, Лука, человек. Она хоть мне и дочь, пусть приемная, а нисколько ее не оправдываю. Что говорить, дура и есть дура. И, между нами, б... та еще, хоть нехорошо так думать. Я, конечно, переживаю, да правда упряма! А ты все понять пытаешься, в голову к ней влезть, что ли...

– Просто зла не держу. Нет в том пользы.

Радлов посмотрел на собеседника внимательно и с удивлением, однако возражать не стал.

Лука посидел еще немного на месте, размышляя о чем-то своем, затем вздрогнул всем телом, будто отошел от чересчур затянувшегося сна, на ноги вскочил и засобирился уходить.

– Ты не спеши, – остановил его Петр. – Я с тобой выйду, покажу кое-что.

В прихожей он взял лопату, вызвав тем явное недоумение у своего гостя, а на улице резко завернул в сторону и начал огибать дом, приглашая за собой следовать. Лука повиновался.

Шли по направлению к холму, где раньше покоились строительные машины, только до самого холма так и не добрались – на середине пути Радлов взял левее и остановился около небольшого земляного валика, который, судя по его рыхлости, воздвигли буквально вчера.

– Я тут одну вещь отрыл накануне. Потом, конечно, обратно присыпал, вроде как от посторонних глаз, – Петр поморщился, вонзил лопату в основание валика и принялся с остервенением его разрушать, разбрасывая вокруг себя комья зернистого, сухого грунта. При этом он продолжал говорить, борясь с одышкой:

– Иду, значит, посмотреть, все ли машины перегнали к котловану, любопытство-то разобрало! И вижу... уф... борозду в почве, длинную такую, она вон... через мой дом до самого озера тянется. Земелька вроде как осела по одной линии... ты приглядиись внимательней, видишь?

Лука отрицательно помотал головой. Радлов перевел дыхание и вновь стал копать, постепенно превращая валик в довольно широкую яму и стараясь объяснить как-то свои действия:

– Погоди чуток, увидишь сейчас. Ты с грунтом, поди, не работал никогда, тебе невдомек. А у меня глаз наметан, я борозду сразу приметил. Дай, думаю, гляну, отчего она здесь...

Петр отбросил лопату и с явным облегчением в голосе воскликнул:

– Готово! На, смотри.

Лука медленно приблизился к краю образовавшейся ямы, немного наклонился и увидел на дне металлические трубы разного диаметра, всего четыре или пять. Трубы пролегли под землей на глубине около метра и, надо полагать, тянулись по направлению от холма до котлована – определить наверняка возможности не было, поскольку яма открывала лишь очень небольшой участок.

Вверх потянулись клубы густого, горячего пара.

– Теплотрасса? – уточнил Лука.

Не только. Тут тебе и тепло, и водоснабжение, труб-то много. Они, кажется, еще и ветвятся вниз, часть к болотам идет, часть к озеру. И вроде как на той стороне озера ко всем участкам подведены. А начало берут наверняка за холмом, у притока реки. Выходит, там котельная должна стоять, не сама же по себе вода нагревается.

– От этого, выходит, снег таял?

– Уж наверняка от этого. Но как положили? Тут камни дробить надобно, чтоб докопаться, а поверхность не тронута – просела над трубами и только. Честное слово, будто из-под земли кто прокладывал! – Радлов улыбнулся, но вышло почему-то совсем не весело, даже с каким-то оттенком обреченности на лице. – А говорят, мол, я помешался и машины перегнал. А вот это все что, тоже я? Что, зарылся в почву, как червяк, и полтора километра труб в одного проложил? Смешно, ей-богу! Ну... веришь мне теперь?

– И раньше верил, и мысли не допускал, будто ты! Я о том лишь говорил, что неизвестно, чьих рук дело.

– То-то и оно, неизвестно. Чудеса! Право слово, чудеса.

– Сам-то что думаешь?

– Не знаю, Лука. Не знаю.

2.

Поздним вечером того же дня, когда Лука уже сидел у себя дома и беседовал с Ильей (*пытался* беседовать, если говорить точнее, поскольку усилия вывести на разговор человека, бессмысленно уставившегося в потолок и пребывающего в состоянии крайней апатии, едва ли можно назвать беседой), к Радлову пришли. Кто-то настойчиво тарабанил в дверь, явно замахиваясь кулаком со всей силы. Петр отворил и, даже не успев взглянуть на посетителя, накинулся на него с криком:

– Ну? Чего? Ты еще кто такой?!

На пороге стоял совершенно незнакомый рослый мужчина в грязноватой одежде, с синюшным от пьянства лицом.

– Тут, что ли, Радлов проживает? – поинтересовался незнакомец.

– Я Радлов. Чего тебе?

– Так я это... бригадир от рабочих.

– От каких рабочих? – Петр от удивления часто-часто заморгал и даже отшагнул назад, как бы стараясь получше разглядеть ночное явление.

– Ну как же! Мы вон с вечерним поездом прибыли. Сорок человек нас. Ну кто-то и отсюда, давно здесь живут, а большинство с поезда. Нам, это, приглашение давеча пришло, с печатью, как положено. Завод, мол, строить надобно. В шахтерском-то городке работы нет никакой, мы и прикатили. Жрать тоже что-нибудь да надо, верно? – бригадир подмигнул, вроде бы по-свойски, но совершенно неприятно.

– Я при чем? Вас кто вообще приглашал?

– Так это... там, в бумаге, написано, Радлов, мол, Петр Александрович – управляющий. Если, мол, чего надо – к нему. И письмо вам еще... вот, – рабочий протянул скомканный, неопрятный конверт.

Радлов схватил послание и собирался хлопнуть дверь перед лицом надоедливого посетителя, но тот подставил в проем ногу и, нагло ухмыляясь, спросил:

– Так чего? Мы пока палатки расставим там, позади кладбища? А то, кажись, больше негде. Нам бы это... материалу к завтраму... времянки соорудить. Где брать-то?

– Убирайся! – крикнул ни с того ни с сего Петр, оттолкнул рабочего, так что тот опрокинулся на спину, заперся и, не отходя от порога, одним махом вскрыл конверт.

Увы, то было не внеочередное письмо от Тамары, как он надеялся. То была краткая канцелярская записка, в которой значилось, что ему, Радлову, в качестве управляющего производством предписано разместить рабочих на свободной территории, оказать им содействие в расселении и через неделю совместно со строительными бригадами начать закладывать медеплавильный завод, состоящий из двух цехов и обогатительной фабрики. Кроме того, ему надлежало изучить еще раз месторождение и составить отчет о том, как удобнее наладить местную добычу – открытым способом или посредством шахт.

Радлов от гнева покраснел, весь налился кровью, как спелый плод наливается красным соком, разодрал записку и разбросал получившиеся клочья по всему коридору. Потом тяжело поднялся по лестнице, зашел в комнату, уселся на диван и просидел так до самого рассвета, уставившись в одну точку. На рассвете, когда по глазам его скользнула жгучая пелена зари, он попытался уснуть, но так и не смог. С того момента и навсегда сон покинул Радлова.

Глава десятая. Грянуло

1.

Приехавшие рабочие наскоро сколотили себе низенькие бараки – на той же стороне озера, где располагался радловский дом, но гораздо ближе к западной расщелине, почти у болот. Соседство с кладбищем, которое было обустроено поблизости, их не смущало. Через расщелину они часто уходили из селения, пересекали пустошь, распластавшуюся на склоне старой горы, и часами пропадали в лесной чаще у подножия – искали ягоды, грибы или мелкую дичь. Положение их в первые дни было тяжелым: каким-то хозяйством, обеспечивающим пропитание, чужаки обзавестись не успели, а тайные наниматели ничего не заплатили вперед. Вылазки в лес спасали, но жить все равно приходилось впроголодь.

Оттого внешность многих рабочих сделалась неприятной – лица приобрели землистый цвет, глаза впали, как у дохлых рыб, появились глубокие морщины. Хуже всего пришлось тем, кто приехал с семьями – жены у них выглядели невзрачно, дети были пугливыми, с явной печатью неблагополучия, которая выражалась крайней худобой, неряшливостью да какой-то всеобщей неприкаянностью. От неприкаянности этой дети периодически воровали, почти в открытую врываясь в плохо огороженные дворы: кто-то из местных поутру не досчитывался зерна в запасниках, кто-то – петушка в курятнике, у деда Матвея вовсе весь погреб разворотили, посуду перебили, но ничего не унесли – у совсем старых жителей уносить было нечего. Из-за подобных происшествий новых поселенцев невзлюбили и в помощи им отказывали.

Мучения рабочих, впрочем, длились недолго – через неделю с почтовым поездом приехал долгожданный курьер. Курьер привез небольшой аванс, предписание в кратчайшие сроки начать строительство и запас провианта на первое время. Продукты разгружали, разбирали да разносили по баракам всем рабочим поселком.

Получив деньги, чужаки на радостях устроили пирушку, полночи галдели и шатались по деревне, но уже к девяти часам утра, едва оправившись от похмелья, вышли на смену.

И заползали по дну котлована медленные, напористые машины, подобно червям – вгрызались в толщу каменной породы, распарывая ее с невообразимым скрежетом, дробили огромные валуны в мелкую щебенку, с жадностью откусывали от рыхлых стен котлована куски земли, пережевывали эту землю, перемалывали до состояния муки, а затем изрыгали получившуюся массу из своих прожорливых механических желудков и сбрасывали в кучу под склон ближайшего холма. Язва на берегу озера ширилась, захватывала все новые участки, не гнушаясь даже ценными плодородными почвами.

Деревенские невиданным зрелищем тут же заинтересовались – уже к полудню за хлипенькой изгородью, которой перекрыли проход к будущей стройке, собрались почти все жители. Смотреть на пробудившиеся машины не пошли только немногие старики, которым в силу возраста особенно тяжело было ходить, а из молодых, пожалуй, один Илья не появился.

Лука долго уговаривал сына пойти вместе, однако юноша после побега Лизаветы до сих пор не оправился – прогулок никаких не совершал, почти не ел да все время лежал на кровати, не расправляя постельного, не снимая верхней одежды, и в жутком оцепенении без конца пялился в потолок, но вроде и потолка над собой не видя. Так – смотрел, куда глаза сами прилипнут, да ничего не разбирал. Неизвестно, что довело Илью до столь плачевного состояния – предательство ли девушки или собственная неумелая попытка влезть в петлю. В какой-то момент он от своего постоянного лежания отупел и перестал думать, ведь любая мысль в конечном итоге непременно приводила опять-таки к петлице – не к самому решению уйти из жизни, но к ужасному о нем воспоминанию, вслед за которым неизменно приходили фантомная боль в горле и удушье. Вообще за тот порыв теперь было стыдно – возможно, юноша для того и бросил думать, чтобы не стыдиться больше.

С отцом практически не разговаривал, даже еду из его рук не принимал – боялся лишний раз столкнуться с ним взглядом и на дне родительских глаз увидеть безмерную горечь да немой укор, от которых делалось тошно.

К ним часто навевалась Инна. Она и готовила, и кормила Илью, и вообще стала единственной его связью с внешним миром, несмотря на обоюдную неприязнь. И даже наоборот: именно из-за неприязни Илья мог контактировать исключительно со старухой, ведь перед ней стыдно не было нисколько, а значит, можно было и всю ее заботу как должное принимать, и глаз не прятать.

Инна, в свою очередь, недолюбливала подопечного за бездеятельность, мягкотелость и отсутствие с его стороны банальных слов благодарности, но при этом очень хорошо относилась к Луке, сочувствовала ему и помогала охотно. Лука иногда отлучался по работе или иным делам, и старуха оставалась наедине с безвольным юношей, читала ему нотации, выслушивала в ответ множество неуместных пререканий, будто с подростком общалась, готовила обед, а затем сидела подле койки да без умолку рассказывала про свою молодость. Подопечный не слушал, но Инна особо не требовала, чтобы слушали – просто хотела оживить в памяти, а это лучше удавалось вслух.

В день начала строительства она пришла помогать только после двенадцати часов и, заметив нетерпение хозяина дома, быстро его отпустила со словами:

– Да посижу, посижу с твоим лодырем. Расспроси там, что к чему, а то так шумят – спасу нет!

Когда Лука подошел наконец к обнесенному заборчиком котловану, там уже собралось около полусотни человек – прижимались тесной гурьбой к изгороди, заглядывая за нее, от любопытства перегибаясь через доски и чуть ли не вываливаясь на ту сторону, к машинам, да бурно что-то обсуждали. Говорили вразнобой, и получался надоедливый гвалт, приглушаемый лишь мерным и мощным гулом механизмов.

– Смотри-ка, счастье привалило! – пошутил кто-то касательно появления нового зрителя с его навечно застывшей улыбочкой, но Лука предпочел пропустить колкость мимо ушей и протиснуться к шатающейся от натиска людей изгороди.

В нескольких метрах от себя он увидел, как громадная, высотой в три человеческих роста, неуклюже сбитая металлическая туша перекачивается на массивных колесах, обернутых гусеничной лентой, и с остервенением обглаживает край котлована, методично работая механическими челюстями, похожими на жвалы диковинного жука-переростка.

Поодаль четыре экскаватора вычерпывали со дна растущей ямы грязную воду вперемешку с разжиженной глиной и сливали это месиво в озеро.

По поверхности озера растекались густые темные кляксы. Некоторое время они бултыхались на волнах, а затем разваливались и мелкими зернышками почти бесследно уходили на глубину – только какая-то серая дымка после них оставалась.

Довольно быстро Луке надоело следить за однообразными движениями техники, от скуки он принялся глядеть по сторонам и позади, далеко от скопления людей, приметил Радлова. Тот стоял на одном месте, как-то странно раскачиваясь, опустив плетью ненужные руки и уставившись себе под ноги. Словно каменный исполин, расшатываемый порывами ветра.

Лука вырвался из толпы, несмотря на недовольное кряхтение некоторых зрителей, и подошел к Петру Александровичу, но тот даже головы не поднял.

– Ты не заболел ли, Петр? – спросил обувщик и похлопал Радлова по плечу, очень аккуратно, едва касаясь, потому что ему вдруг почудилось, что если этого истукана толкнуть чуть сильнее, он упадет и развалится.

Радлов вздрогнул, накренился назад, как бы очнувшись от забытья, поглядел на друга мутным, рассеянным взглядом, будто не узнал, и мрачно ответил:

– Уснуть... не могу, – потом туман во взгляде испарился, уступив место искорке сознания, и он продолжил в привычной манере, хотя несколько вяло: – Представляешь, как лягу с ночи, так до рассвета промаюсь. Даст бог, задремлю на час-другой, и опять вскочу как полумный. И то, знаешь, час-то этот нелегко дается, чуть шорох – сразу просыпаюсь.

– Тебе бы средство подобрать от бессонницы, – сказал Лука с жалостливой интонацией. – В аптеку съездить или в лесу трав собирать. Ромашка подойдет. Или зверобой.

– Да, пожалуй, так и сделаю, – и вновь дымчатая поволока затянула глаза Радлову наподобие какой-то вполне осязаемой пленочки или панциря, защищающего от волнений внешнего мира.

Впрочем, он мгновенно опомнился и, указав на котлован, злобно произнес:

– Эти еще с самого утра затарабанили! Камень же точат, гул стоит на всю округу!

– Ты ведь предупреждал, что будут строить. Только не верилось как-то, – Лука немного помялся, не решаясь донимать измученного бессонницей Петра с пустяками, но потом не удержался и все равно спросил: – Как же они строить хотят? Ни бетона, ни кирпичей нет.

– Позже привезут. Оно пока за ненадобностью, котлован расширяют.

– Это зачем же?

– В письме от застройщика указано, что завод надо строить сразу из нескольких цехов. Мы-то в свое время хотели для начала один цех соорудить, вроде как поостеречься. А теперь, получается, здание будет больше, значит, и фундамент надо заливать шире. А вон там экскаваторы, – Радлов указал в сторону берега, – воду убирают. К вечеру насосы подогнать должны. Подземные воды, я тебе скажу, для строительства вещь вредная, всю основу могут размывать.

– И все в озеро сливают, – недовольно заметил Лука. – Не загрязнится ли?

– Да нет, чего там! Глина ведь одна.

Постояли немного молча, прислушиваясь к шуму толпы, рычанию машин, завыванию ветра над растревоженным водоемом. Выдержав паузу, Радлов продолжал:

– За моим-то домом тоже технику расставили, карьерную. Добычу руды в ближайшее время организуют.

– Завод же не готов, для чего им руда?

– Ты, Лука, пойми, завод с добычей не особенно-то и связан. Он нужен для выплавки меди из руды, потому что медь в природе попадается только с примесями. Но сама руда тоже цену имеет. Вот руководство и решило на первых порах сырье продавать в соседнюю область, чтоб, значит, простой прошлых лет покрыть. Я документы видел на днях.

– Погоди, так если сырье продадут, зачем вообще производство налаживать?

Петр широко ухмыльнулся, один раз гоготнул, изображая смех (смеяться-то он от усталости не мог), и воскликнул с самодовольным выражением:

– Нет, ты где умный, а где глупости городишь прямо одна за другой! Этакая книжная интеллигенция, ей-богу!

– Не разбираюсь я, – попытался оправдаться Лука. – Ты, наверное, тоже подметки к обуви сразу приладить не сумеешь!

– Не горячись, шутка и только, – Радлов примирительно тронул собеседника за плечо. – Но если бы тут руды было мало, никто бы предприятие организовывать не стал. Я тебе скажу, ежели гору хорошенько разворотить, здесь меди лет на пятьдесят вперед, а то и больше.

– Разворотить? А мы-то как будем?

– Да живи себе дальше спокойно, никто же не выселяет.

– Положим, не выселяет. Но... на душе неспокойно, что ли. Я ведь за строительство всегда выступал, ты помнишь. Новые рабочие места, промышленное развитие, перспективы, опять же, а то чахнем здесь, внутри горы как в бункере. И все бы ничего, да предчувствие какое-то у меня...

– Предчувствие, – задумчиво повторил Радлов, словно пробуя слово на вкус. – Тревожно, да?

– Именно! А причины для тревоги не могу найти. И оттого только гаже делается.

– Так, в воздухе витает что-то, – Петр усмехнулся, но сквозь смешок отчетливо пробились неясная скорбь. – Томка тоже писала что-то такое... про предчувствие, знаешь.

– От Тома письмо пришло? – Лука весь просиял от радости. – И не сказал! Ну, что, как поиски?

– Пишет, нет Лизаветы в столице-то. Да и не было никогда. Про Вешненское еще что-то упоминала, я не разобрал. Может, там Лиза...

– Вешненское от нас совсем близко. Сколько тут? Километров семь?

– Да, не больше семи.

– Получается, они с Тамарой должны скоро вернуться?

– Вроде бы. И пойдет жизнь, как прежде! – воодушевленно произнес Радлов, но вдруг как-то сник, съжился весь, а из горла его вырвалось невольное и невыносимо печальное: – Эх...

В это самое время в толпе у изгороди произошло движение. Кто-то размахивал руками и выкрикивал нечто нечленораздельное, кто-то бранился, а один мужичонка, указывая в сторону котлована, на рабочих, громко и отчетливо сказал:

– Да они, они это сделали!

Потом мужичонка отделился от толпы, перелез через хлипкий забор, но был тут же небрежно заброшен назад несколькими чужаками, которые стояли на перекуре.

Лука сделал пару шагов к собравшемуся народу и, ни к кому конкретно не обращаясь, поинтересовался, что произошло.

– Не слышали разве? – раздался голос. – На болотах убили кого-то!

– Сам он утоп! – возвестил другой голос, женский. – Сам!

– Да не утоп, дура, а утопла! – заорал кто-то еще, да так визгливо, что Лука ощутил резь в ушах. – Баба там, на болотах!

Из-за царившей неразберихи и волнения люди снесли изгородь. Строителям такая выходка не понравилась, они попытались разогнать местных, но те упирались, не шли. Тогда в их сторону запустили экскаватор, без намерения кого бы то ни было раздавить, а скорее с целью напугать. Вид неумолимой машины, на ходу трясушей зубастым ковшом, возымел действие, и в каких-нибудь пять минут берег опустел.

Остались только Лука с Радловым. Выждав немного времени, к ним направился один из рабочих – средних лет мужчина, грузный, низкого роста, с непомерно отекавшими, налитыми синевой мешками у глаз. Он курил, как-то особенно напористо выдувая дым через рот и нос, и потому напоминал недоросшего, но буйного бычка.

– Послушайте, мы в беспорядке не участвовали, – начал было оправдываться Лука, но мужчина, выпустив дым ему прямо в лицо, причем не со зла, а скорее по привычке, сообщил:

– Да я не затем, – и, обратившись к Радлову: – Ты, что ли, управляющий?

– Я к строительству отношения не имею. Только что касается добычи и производства.

– Так и я касательно добычи. Приказ дан: назавтра к разработке карьера приступать. Пойдем, укажешь, где медная жила лежит.

Петр извинился перед Лукой и нехотя, словно на привязи, поплелся за чужаком. Лука потоптался на месте, раздумывая, что можно предпринять дальше, окинул взором трудолюбивые машины, копающиеся в грязи на дне земляной язвы, рябую от ветра поверхность озера, испещренную кляксами и черными зернышками, и повернул назад. Правда, до противоположной части селения, к Инне и сыну, он решил пока не идти и вместо этого завернул к рабочему поселку, состоявшему из плохо сколоченных бараков.

Бараки стояли невысокие, серенькие да невзрачные. Между ними то и дело сновали дети разного возраста – одни совсем маленькие, другие почти подростки, но все одинаково смурные и неухоженные. Какая-то женщина с необъятной грудью, стремящейся наружу из-под старого, сплошь заштопанного халата, развешивала белье. Обувщик осмотрел женщину с ног до головы, не без удовольствия задержал взгляд на расходящихся полах халата, но, встретившись с незнакомкой взглядом, покраснел, устыдился да ускорил шаг. Позади он услышал тихий, грубоватый смешок.

Лука шел к западной расщелине – шум строительной техники, крики и ругань сильно утомили его, потому он решил совершить небольшую прогулку. Уже очень давно ему не удавалось выбраться за пределы деревни – то донимали по работе, то не с кем было оставить Илью. Хотя прошлой весной и раньше, когда еще не возникла надобность копить деньги, он любил бродить по окрестностям и чаще всего отправлялся на юго-восток, к С-кому монастырю. Впрочем, такой путь занимал добрую половину дня, а ведь еще необходимо вернуться обратно! Лука прикинул, что если выдвинуться к монастырю сейчас, в два часа, то назад придется идти среди ночи.

Поэтому он выбрал для отдыха место поближе, вышел через западную расщелину и по пологому склону спустился вниз. Там, между каменистой пустошью и кромкой леса, был старый грачевник. Грачи с давних пор облюбовали деревья около заброшенного участка железной дороги, которая неизвестно куда и откуда шла. Рельсы, некогда соединявшие этот затерянный кусочек дорожного полотна с основными путями, лет двадцать тому назад разобрали, шпалы поросли травой и мхом и затерялись на фоне ландшафта, так что теперь *действительно* нельзя было определить, куда и откуда шла эта крохотная ветка.

Возле самого грачевника рельсы оставались нетронутыми – людьми, но не временем и влагой. На них громоздился паровоз прежнего образца – собственно, именно он и помешал разобрать этот участок.

Когда-то здесь была обустроена станция. Затем станцию закрыли за ненадобностью, как и все направление целиком, а локомотив, стоявший на ней в ожидании состава, списали как утилизированный. Позже власти решили не только по бумагам, но и на самом деле перегнать паровоз в Город, чтобы там пустить на металлолом, однако обнаружили, что местные жители успели за чем-то растаскать почти все рельсы, и перевезти рухлядь оказалось невозможно.

Потом у дороги произросли деревья, которые и были обжиты грачами. На ветвях за много лет появилось множество размашистых, расхристанных гнезд – одни старые, осыпавшиеся или размокшие до состояния трухи, другие свежие и пригодные для обитания. Но, кроме этих гнезд, ничего на деревьях не было, поскольку от птичьих экскрементов, копившихся внизу годами, под землей сгнили корни и больше не могли питать листву.

Сейчас около облезлых веток копошились в большом количестве птицы. Грачи прилетели относительно недавно, около месяца назад или чуть больше, как только снег начал сходить, и до сих пор налаживали свой незамысловатый быт.

Лука разбросал по земле немного припасенного хлеба, как бы извиняясь за вторжение, и проследовал напрямиком к одинокому паровозу.

Дорожное полотно было разбитое, сквозь него пробивались робкие весенние травы, кое-где ломились наружу корни деревьев; рельсы проржавели до самого основания. Сам локомотив, такой же древний, как все прочее, стоял без дела и гнил. Этот исполин с рыжим от дождей стальным крупом некогда сжигал в своем нутре тонны угля, обращая пламя в тягловую силу, выдувал из трубы жгучий дым, черной простыней застилавший небосвод, а затем сдвигался с места, набирал скорость и устремлял всю свою неподъемную конструкцию вдаль. Увы, теперь в прежние его подвиги верилось с трудом. Корпус в некоторых местах ржавчиной проело насквозь, так что в нем зияли бескровные раны, труба накренилась и даже чуть провалилась

вовнутрь под собственной тяжестью, колеса разъезжались по сторонам. Небольшие лесенки, ведущие на площадку вокруг котла, почти отвалились, котел тоже испещрен был дырами.

Лука, впрочем, еще помнил, какая из лесенок покрепче, потому легко забрался на площадку, а оттуда протиснулся в будку машиниста. Осмотрел и проверил на ощупь каждую деталь внутри, провел пальцами по всякой трещинке и по всем изодранным краям дыр в стенках, словно заново знакомился с этим местом. Он ходил сюда прежде, пока не начал в своих прогулках спускаться до монастыря.

И все кругом было знакомое, но невозможно старое. А на руках от всякого прикосновения оставалась бурая пыль, да вот еще следы рыжие. Лука мысленно пожалел ржавый паровоз, и себя пожалел, вдруг подумав, что и собственная его жизнь с годами тоже как бы ржавеет.

На обратном пути, ведомый жалостью к себе, которая настырно требовала пищи, Лука заглянул на могилу к жене, но пробыл недолго. Давно она умерла – так давно, что путник ничего не ощутил. Нет, он чувствовал боль утраты и даже отголоски уснувшей любви, но только по отношению к *живой* жене, сохранившейся еще в капкане воспоминаний. А вот к могиле он ничего не чувствовал – скучный земляной холмик, укутанный прелой листвой еще с прошлого года. А под листвой той и нет уж никого.

2.

На следующее утро, двенадцатого мая, Лука отправился к Инне – чинить крышу, как он давно уже обещал. Илью пришлось оставить одного, впервые после происшествия в лесу. Нет, юноша, разумеется, оставался дома без сиделок и соглядатаев, но не дольше пятнадцати минут. Лука бы, пожалуй, и в этот раз заранее договорился с кем-нибудь из соседей, если бы не разговор с Инной накануне. Та вполне справедливо заметила, что постоянной опекой Илья тяготится, испытывает чувство стыда, которое на пользу особо не идет и лишь усиливает апатию, а, кроме того, что он взрослый человек и сидеть подле него вечно все равно не получится.

Вообще-то разум постепенно покидал старуху – ничего не поделаешь, годы берут свое, – но вот мудрость, копившаяся вместе с жизненным опытом, никуда не делась, словно хранилась в мозгу в каком-то потаенном месте, хорошо укрепленном и недосыгаемом для распада остальной нервной ткани. Зная об этих особенностях и не раз уже в них убедившись, Лука прислушался.

Запирятал подальше все колющие, режущие предметы, а также веревки, ремни и шнурки, примирительно побеседовал с сыном и с тяжелым сердцем покинул свое обиталище.

Только выскочив на улицу, он едва не столкнулся с ковыляющим в его сторону дедом Матвеем, которого в селении почти все так и звали. Дед сильно хромал, но шел бодро, как бы подсакивая на здоровой ноге.

– А я к тебе, Лука, – сказал посетитель старческим, но еще крепким голосом. – Глянь-ка валенки, не греют совсем.

Старик протянул войлочную обувь, достаточно поношенную, но в хорошем состоянии. Лука ощупал голенище и подошвы и, не найдя изъянов, проговорил задумчиво:

– Да нигде ничего не прохудилось, войлок плотный, – затем добавил громче: – Все с ними нормально, дед Матвей, носи на здоровье!

– Нечего, выходит, чинить? – спросил старик в недоумении и как-то растерянно пожал плечами.

– Нечего.

– Значит, от старости уже ноги тепла не чувят.

Матвей принял обувь обратно и развернулся в сторону своего двора. Некоторое время они с Лукой шли вместе.

– У завода был вчера? – спросил старик, чтобы в тишине не идти.

– Был. Строительство, конечно, знатное затеяли.

– Ага. А чего они по котловану ползают да не делают ничего?

– Радлов мне вчера объяснял, мол, котлован расширить нужно. Здание вроде как слишком большое получится.

– Ага, – повторил дед и часто-часто закивал головой, движением этим и глухим своим «ага» придавая себе сходство с филином. – Ох, и суматоха там вчера вышла с этим убийством! Слыхал ли?

– Мне вчера никто ничего толком рассказать не смог. Поэтому все равно что и не слышал. То ли убили кого, то ли сам утонул.

– Деваху мертвую на болотах нашли, – объяснил Матвей.

– Где нашли? Утопленница все-таки?

– Да не, – старик замахал руками. – Убили ее. Аккурат у монастыря лежала.

– Давно ли?

– Вообще-то давненько.

Инна жила довольно близко, от Луки через три дома, поэтому они с Матвеем вскоре поравнялись с жилищем старухи, но разговор прекратить не захотели – встали сбоку у крыльца, под оконцем, да продолжили.

– Недели три, получается, с того момента вышло, – рассказывал Матвей. – Слух-то до нас больно поздно дошел.

– И неизвестно, кто убил? – спросил Лука и вдруг какой-то укол внутри ощутил, вроде как предчувствие опять его кольнуло.

– Да не хотят расследовать, кому надобно! Вон, с год назад в сторожке-то на железнодорожной станции мужичка убили. Кто убил? Бродяги! А разве их тогда поймали, разве посадили? Ни шиша не сделают, а звездочку нацепят. Здесь, думается мне, тоже бродяги.

– А вчера вроде как на рабочих наговаривали, – предчувствие внутри заволновалось, закололо сильнее, и Лука оперся о стену дома, где жила Инна, чтобы не упасть – почему-то ноги подкосились.

– Какие рабочие! Рабочие к нам недавно приехали. А тот случай аж в середине апреля произошел. Оно и верно, от пришлых людей всегда беды жди, вот приезжих и обвинили, – Матвей беззвучно пошевелил губами, как бы собираясь с мыслями, и закончил: – Только от чужих и правда беды жди, а с девахой не их вина. Бродяги, – повторил он свою догадку уверенней. – Шнырял один из них или двое по лесу, глядь, девка по ягоды пошла. Ну и напали, значит, на нее.

– Почему ж по ягоды?

– Смешной ты, Лука, – Матвей расплылся веселой улыбкой. – Зачем еще одной по лесу бродить? За ягодами или за грибами. А тут он, злодей. Ох, изловить бы его! Деваха, говорят, молоденькая. Жалко.

– Верно, молодым бы жить да жить, – сказал Лука первую попавшуюся прописную истину, лишь бы беседу поддержать – видно было, что Матвей давно ни с кем не общался от одиночества и очень теперь хотел говорить дальше.

– Вообще, я тебе скажу, – продолжал старик, – времена теперь не те. Прежде-то сроду не бывало такого.

– Наверняка было, люди не меняются.

– Ага, не меняются! Еще как меняются! Раньше что? Дверей не запирали совсем. А сейчас запираем, хотя соседи прежние и все знакомые. А запираем! Люди, выходит, поменялись как-то внутренне. И не было таких вот убийств, и не говори!

Лука поначалу закивал, но тут же вспомнил одну историю и попытался поспорить:

– Дед Матвей, а ведь в твою молодость, я слышал, было громкое дело. В Городе студент сокурсников до смерти заморил.

– Все равно не то, – возразил старик. – Сектант он был. Тогда вообще-то религию не запрещал никто, но и не одобряли. Вот у него и переклинило, вроде как от протеста. Ну все

в крик, мол, опиум для народу и прочее. Я ж в самое то время в Город и ездил, посмотреть страсть как хотел на житье-то городское. Даже остаться думал. Молодость-то сомнений не ведает, – дед тяжело вздохнул. – Ага. А студента на поселение, в колонию недалеко тут определили.

– Не тот ли это мрачный дед, что у старообрядцев теперь главным ходит? На юге-то.

– Ну коли посмотреть, так на юго-востоке выйдет. Да, он это и есть. Только старообрядцев там нет почти. Всякий сброд селится. Колонию как закрыли, все с нее – туда, и живут, у кого срок кончился или по амнистии кто.

– Там же вроде чужаков не принимают? Я слышал, и воды не нальют, если к ним забрести ненароком.

– У них как, – пустился Матвей в разъяснения, – коли чужак поглазеть приехал – не нальют воды и вообще прогонят. А коли человек обездоленный – примут, считается по-божески это. Вот и напринимали отбросов. И хорошо разве? Нормальному человеку на тот берег ступить боязно. Вон к чему их вера-то привела.

– Да ведь не так плохо, если вера есть, – заметил Лука.

– Ты, что ли, верующий?

– Я-то нет, но многим людям вроде как опора нужна. А ты, дед Матвей?

– А я, Лука, полжизни без бога прожил, и хорошо прожил. И остаток как-нибудь без него доживу. Стар я образ мыслей менять.

Они бы, может, и еще говорили, но тут из окна прямо над ними высунулась Инна да с наигранным возмущением воскликнула:

– Чего языки-то мусолите? Матвей, ты мне работнику зубы не заговаривай! Аль не к кому на ухо присесть?

– Ты же знаешь, нет у меня никого, – тихо отозвался дед.

– Ну так приходи в гости, вечером. Чаем-то напою, – и Инна скрылась в оконце.

Матвей наклонился ближе к Луке и полушепотом сказал:

– Ага, напоит. Она в гости-то зазовет, а к вечеру в голове у ней переклинит – так и на порог не пустит. Я к ней уж так сходил один раз. Прогнала, а теперь и не помнит, – и старик, указав на окно, покрутил пальцем у виска, а затем, хромя да подсакивая на здоровой ноге, двинулся в сторону дома.

Крышу Лука залатал довольно быстро. Гораздо больше времени ушло на то, чтобы продолбить прогнившие половицы под течью и на их место поставить свежие обрезки дерева.

К слову, собранные Инной и сваленные в кучу доски зимой еще начали гнить, и Лука использовал новые – радловские, которые тот завез старухе с неделю назад в качестве помощи. Радлова старуха не поблагодарила, хотя подношение приняла.

После работы пили чай – Лука поначалу отнекивался, но Инна настояла на своем:

– Да подождет, – говорила, – подождет твой Илья, не дите малое! Ничего не станется с ним.

Уже за столом она продолжила тему:

– Зря ты сына так изнежил. Мужское воспитание ему надобно было, а ты чего?

– Да и сам знаю. Видишь, когда Анна умерла, испугался я еще и ребенка потерять. Потому оградил от всего с детства, – Лука вспомнил вчерашний поход на могилу и руки, рыжие от ржавчины, но быстро отмахнулся от видения.

– Анечка славная у тебя была, – сказала Инна. – Но хилая. Да и неудивительно, родители-то у нее рано померли. Я их хорошо знала, они мне по приезду сюда помогали хозяйство наладить. Я ж неумехой была! А вишь че, выжила тут! Это я к чему припомнила-то – Илье твоему тоже работать надо. Стыдоба же – здоровый лоб цельными днями лежкой лежит. Ну где видано такое!

– Думаю, как завод обустроят, найдется место, – процедил Лука сквозь зубы. Лицо его было крепко сведено, а щеки и скулы побелели от напряжения – по привычке он пытался при упоминании покойной жены свести на нет свою улыбочку. Не выходило.

– Почему завод-то? – воскликнула Инна. Рот ее от негодования раскрылся и по обыкновению развалился на две беззубые половинки, как при всяком чересчур большом усилии. – В деревне, что ль, работ нет?

– Руки у него неспособные. На заводе наверняка учет введут, люди понадобятся на бумажную работу.

– С бумажками таскаться – работа разве? Научи его хоть обувь чинить, тоже дело!

– Обувь он вроде как не освоил, – ответил Лука, смутившись. – Ум у него есть, а ручной труд не удастся никак.

– Ишь че, ручной труд! Так и говори, что руки из заднего места растут, – старуха хрипло засмеялась, вновь раззявив страшный свой рот, и вдруг уставилась куда-то в пустоту невидящим взглядом, вроде как прекратив на миг соображать.

Впрочем, она тут же оправилась и заговорила о другом:

– Не нужен нам завод. Гнать надо отсель всех рабочих, – она посмотрела прямо перед собой, перекосилась от бессильной злобы и выпалила: – Из-за него ведь все, из-за борова!

– Ты про Петра, что ли? Помягче бы ты с ним, доски для крыши он ведь привез.

– Да на кой ляд мне его доски! У меня свои доски были сложены, хорошие, крепкие. А теперь выбросить пришлось. Нет, этот Петр все против меня!

Лука хмыкнул, вспомнив, насколько «хороши» были отложенные старухой доски, а та никак не унималась:

– Со свету меня сжить хочет, вот что. И завод этот проклятый он первым выдумал! Нет, правильно Тома сделала, что умотала от него. Я давно говорила, а тут она сама в столицу рванула. Хоть на старости лет мать послушала.

– Она ведь Лизавету искать поехала.

– Лизавету? – удивилась старуха. – А чего ее искать, коли она тут?

От неожиданности Лука поперхнулся чаем и сквозь кашель переспросил:

– Кх... как это... тут?

– Да недавно приходила ко мне. Значит, вернулась с учебы-то. И главное, удумала – в юбке одной ходит, а так голая. Я ей говорю: Лиза, сдурела ты, что ли? Так, поди, даже в Городе не шеголяют, хотя там девки все сплошь распущенные! А она говорит: не до того мне теперь, бабушка. И как-то, знаешь, плывет...

«Плывет, – мысленно повторил Лука, поборов кашель. – Ах, бедная Инна! Уже в бред впала, мерещится ей всякое».

В этот момент глаза старухи заволкло туманом, сама она пошатнулась да чуть не завалилась набок, так что гость испугался, не сделалось ли ей плохо. Вернув себе равновесие, она поозиралась по сторонам, как потерянная, и печально произнесла:

– Случилось что-то с Лизаветой нашей. Плохое случилось.

Луку передернуло, тут же вновь закололо где-то под сердцем, но он отмахнулся и, стараясь придать голосу как можно больше уверенности, сказал:

– Вернется Лиза. Не переживай.

– Нет, не вернется – еле слышно отозвалась старуха. – Не она ведь то приходила. То бес приходил.

Во дворе взвыла собака, как и в прошлое посещение Луки, и Инна, придя в себя от этого истошного воя, заговорила громче и бодрее:

– У, зараза! Опять надрывается! Собаки, вишь, постоянно под окнами воют. Мука сплошная. Смерть мою, что ли, учуяли – не пойму никак.

– Да перестань! Рано тебе еще о смерти думать, – приободрил ее гость.

– Конечно, рано! Я за свою жизнь со стольким справилась, неужто со смертью не совладаю, – и она зашлась приступом хохота, а челюсти ее при этом задвигались да забились друг о друга, сильно, но беззвучно, как поломанная трещотка.

– Ладно, пойду я, – Лука приподнялся со своего места, но тут же пошатнулся и рухнул обратно. Земля задрожала, и весь дом, на земле установленный, задрожал, так что заделанная крыша ходуном заходила, а некоторые плохо закрепленные половицы почти подпрыгнули. Вдалеке раздался оглушительный, раскатистый грохот. Раскаты его покатались по холмам, ударили по окнам, оттого все окна в селении затрещали в своих тесных рамах.

Лука выскочил на улицу и увидел стелющийся над озером дым, а за дымом, на противоположном берегу – яркие огненные всполохи, раздирающие небо в клочья.

Тогда он со всех ног ринулся к месту происшествия, обежал вокруг озера, обогнул раскуроченный машинами котлован и через десять минут, весь взмыленный, как загнанный во время гонки скакун, которого вот-вот пристрелят, оказался у радловского дома.

Дом был цел и невредим, но позади него взрывали горную породу. Склон древней горы, нависавший над поселком каменным щитом, был выворочен наизнанку, в воздухе беспощадной шрапнелью летала щебенка – в нескольких зданиях по эту сторону даже оконца расколошматило. Возмущенные жильцы повалили наружу да так и встали, как вкопанные, да рты разинули, замороженные огненными столпами.

Ближе всех к месту взрыва несокрушимой глыбой стоял Радлов. Щека его была распорота осколком камня, из нее лилась кровь, не переставая, а глаза были мутны и черны, и там, в непроглядной тьме этих глаз, угадывался призрак грядущих разрушений.

Глава одиннадцатая. Птицы

Тринадцатого мая, еще засветло, в селение по реке прибыла лодка. Лодка была довольно широкая и длинная, рассчитанная на двух гребцов, с выступающей позади кормой. Она проследовала до самого устья и причалила к берегу – дальше, в озеро, не пустили из-за строительных работ. В носовой части суденышка сидела Тамара. Женщина куталась в плотную темную шаль настолько, что даже лица не было видно, но все равно иногда вздрагивала от холода, накопившегося в теле за время пути. Посередине расположились двое серых, невзрачных мужчин, вооруженных веслами. А на корме, застланной парусиной для защиты от сырости, стоял гроб. Его закрепили с помощью веревки, обмотав шаткую конструкцию на несколько раз, но и под веревкой он трепыхался в такт раскачиванию лодки – съезжал чуть влево, потом чуть вправо и обратно, соблюдая одинаковые паузы в своем незамысловатом движении. Потому к шелестящему звуку бьющихся о борта волн и скрипу дерева от весел добавлялся размеренный, натужный скрежет.

Как только добрались до берега, гребцы отвязали гроб и потащили его к радловскому дому, спотыкаясь о многочисленные осколки камней. Тома шла впереди, показывая дорогу, и по-прежнему прятала лицо в складках ткани. Редкие прохожие глядели на процессию с беспокойством.

Во дворе прибывших встретил Радлов. Он за последнюю ночь осунулся пуще прежнего и с трудом управлялся со своим грузным туловищем, потому начинал то покачиваться не к месту, то бессознательно ощупывать себя, как бы желая удостовериться, принадлежит ли ему та или иная часть его же непослушного, отяжелевшего тела – недостаток сна сказывался на нем весьма сильно.

На безрадостную ношу, которую внесли гребцы, он посмотрел как-то ошалело, ничегошеньки не понимая, и долго ворочал языком, при этом не в силах произнести хоть что-нибудь внятное. Наконец собрался с мыслями, выдавил из себя:

– Чего это? – и принялся странно, глазами навывкате тарачиться то на жену, то на подношение.

Шаль с лица Тамары спала, и Петр увидел впивающийся в него колючий взгляд, полный то ли неясного укора, то ли ненависти. Лицо Тома было изможденным и опухшим, а губы сухие, бескровные, почти белые. Женщина сделала над собой усилие, буквально заставив свой рот раскрыться – слипшиеся воедино омертвелые губы разорвались, занемевший язык шевельнулся, дугой уперся в верхнее небо, тут же оттолкнулся от него и породил одинокий звук «л». Затем только Тома произнесла:

– Лиза, – и после еще одной схватки с собственным голосом добавила: – Лиза там.

Не дожидаясь ответа от мужа, она скрылась внутри дома. Грузчики вслед за ней внесли гроб, почти сразу вернулись на улицу и обратились к Радлову без какого-то особенного сочувствия:

– Горе горем, а заплатить нужно.

Петр посмотрел затуманенным взором куда-то сквозь них, полез в карман, на ощупь вытащил смятые деньги и протянул говорившему, при этом ткнув его в грудь. Тот взял пачку, расправил ее хорошенько, пересчитал, кивнул удовлетворенно, и работники исчезли.

Радлов долго еще стоял посреди двора, как бы оглушенный, и пытался расшевелить застывшие от бессонницы мысли, дабы понять, что теперь делать, однако ответа на этот страшный, въедливый вопрос никак не находил.

Позже пришел Лука, подавленный и молчаливый.

Радлов встретил его в прихожей, у самого порога, и тихонько проговорил:

– Ты, наверное, зря сегодня...

– Пусть войдет! – громко донеслось из комнаты с жесткой, требовательной интонацией.

Тогда Петр посторонился, пропуская гостя, Лука сделал несколько шагов вглубь помещения и увидел дубовый гроб, установленный на двух табуретках – хоронить ведь только назавтра решили. Крышка была плотно прибита, по всей видимости, еще до переправы по реке, но ни эта предосторожность, ни резко бьющие в нос отдушины не спасали от запаха тления.

Лука тяжело выдохнул, хотел было прикоснуться к гладкой дубовой поверхности, но почему-то отдернул в самый последний момент руку и быстро поднялся в комнату на втором этаже. Кругом все увешано было черным тряпьем, и Тома, сидевшая у стола скорбным извечением, тоже была с ног до головы в черном.

Гость долго изучал ее постаревшее, с обостренными чертами лицо, а затем спросил – тихо-тихо, словно боясь растревожить кого-то невидимого:

– Как... – осекся, но завершил сквозь хрип: – Как она умерла?

– Задушили, – глухо, будто из склепа, прозвучало в ответ. – Ее у монастыря нашли. В апреле еще. Без одежды почти.

– Хочешь сказать, ее...

– Нет, – Тома замотала головой. – Нет, я узнавала. Нет.

После этого женщина замолчала и очень долго сидела безо всякого движения, рассматривая поверхность стола. Лука и вошедший за ним Радлов, да и все предметы в комнате замерли вместе с ней, словно боясь ненароком издать какой-то неуместный звук и вывести несчастную из спасительного забытья.

Она, впрочем, сама очнулась, огляделась по сторонам, как бы ища поддержки, и продолжила:

– Я все гостиницы в Городе объездила. Не знала ведь, что зря. Она уж на третий день после побега была м..., – голос сорвался, и слово «мертва» заглохло на первом же звуке. – В полицию обратилась, когда совсем надежда иссякла – боялась очень туда идти, словно чувствовала. Там сказали, что Лиза умерла. А я думаю – ошиблись! Не она! Нельзя по фотографии наверняка понять, тот ли человек! А у самой внутри оборвалось что-то. На опознание в Вешненское поехали, там морг какой-то особый... в общем, выкатили мне этот стол. И уже она вроде как на себя не похожа – от времени. Но меня... пот холодный прошиб сразу. Лиза это. Лизонька моя это, – по лицу Тома мягко скользнула слеза и упала на стол.

Тома устала на нее, не понимая, что это за мутная капля да откуда она взялась, потом догадалась и начала руками водить по щекам, пытаясь понять, мокрые они или нет.

– Я... плачу? – спросила она, не признавая и не чувствуя собственного лица, и вдруг навзрыд завывала – не заплакала, а именно завывала, неистово, дико, как собаки под окнами воют в особо холодные ночи. И от воя ее в петлю влезть хотелось.

Кладбище в деревне было неухоженное, поросшее травой и очень разрозненное – некоторые могилы отстояли друг от друга метра на три, а то и на все пять. Здесь мало умирали, потому что и вообще жило мало людей.

Весть о смерти Лизаветы распространилась молниеносно, и похоронную процессию, выдвинувшуюся из радловского дома с утра, провожало множество взглядов – любопытных и вместе с тем сочувствующих.

Но в самой процессии было совсем немного человек: всего-то двое нанятых рабочих, которые несли гроб, хромающий дед Матвей, Радлов, Лука, две какие-то пожилые жительницы, непонятно зачем увязавшиеся с остальными, и Тамара. Тамара держалась до последнего, вынесла все процедуры, связанные с опознанием и перевозкой тела из Вешненского трупохранилища, нашла приличный гроб и даже смогла накануне рассказать обо всех подробностях

тягостной своей поездки, но в самый день погребения сдала. Выла, не переставая, да не могла идти, так что Радлов и Матвей вели ее под руки.

Инна Колотова на похороны внучки не явилась – сказала, что все это сплошь вранье, что родственники просто хотят ее таким образом довести до срыва, опасного в преклонном возрасте, и что с Лизой на самом деле все хорошо. Да и как не хорошо, коли та регулярно навещается.

День выдался пасмурный, как по сговору, и в воздухе от позавчерашнего взрыва до сих пор пахло дымом. Работы в котловане велись без остановки, так что церемонию вместо траурной музыки сопровождал назойливый гул машин.

Рабочие поставили гроб, принялись копать яму, поскольку никто не додумался подготовить ее загодя. Рыли долго, лопата часто утыкалась в камни, и приходилось заходить под другим углом, чтобы их выкорчевать.

Справившись с непокорным грунтом, гроб на веревках опустили в могилу, но не успели и горсти земли сверху бросить, как что-то иссиня-черное прорезало воздух и упало вниз, гулко стукнувшись о крышку гроба.

Лука, помедлив, заглянул за край рывины – там, прямо на дубовой крышке, лежал мертвый грач с остекленевшими глазами, в которых бесхитростно отражались рваные могильные стены и клочья облаков.

Вскоре в небе над селением появились еще грачи, целая стая. Беспорядочный их полет напоминал скорее агонию – они истошно кричали «ррах», разевая клювы во всю ширь, сталкивались друг с другом, мельтешили, подобно загнанным жертвам, рвущимся найти выход из западни, врезались с разлету в темные волокнистые облака и явно не знали, куда направиться.

На кладбище все забеспокоились, начали торопиться. Тамара прекратила выть, запрокинула голову кверху и вдруг стала заваливаться набок. Провожатые не удержали женщину – подвела хромая нога Матвея, – и она навзничь рухнула в обморок.

А на землю черными градинами западали мертвые птицы: одна за другой, одна за другой...

Часть вторая. Черная голова

Глава двенадцатая. После похорон

Кладбище было сплошь усеяно грачами – словно на земле от неведомой болезни проступила смолянисто-темная сыпь. Лука, как замороженный, до сих пор смотрел на птицу, упавшую в могилу – она лежала на дубовой крышке гроба брюхом кверху, вздернув когтистые лапки и распластав перистыми ошметками бесполезные крылья. Голова была запрокинута набок, как бы надломив шею, клюв криво раззявлен в беззвучном, схваченном посмертной судорогой крике, из клюва вываливался синюшный, остроконечный язычок.

На небо вдруг напоззли тяжелые, тоже как будто синюшные тучи, и мрачные тени легли на деревню, укрыли ее зернистой, почти осязаемой тьмой. А в воздухе высыпали гроздь тумана, и дышать стало трудно, потому казалось, что наплывающие тучи душат.

Похороны пришлось завершать в спешке. Тамару вывели кое-как из обморочного состояния, но она все еще толком не могла ходить – Радлов и Лука повели несчастную домой.

Заканчивать с погребением остались Матвей да нанятые рабочие. Те, впрочем, запаниковали из-за падения птиц, хотели сбежать, однако дед уговорил их остаться. Он также просил убрать мертвого грача с гроба, но тут уж его не послушали – в могилу спускаться никто не хотел.

– Странно, что воронье перемёрло, – сказал один из рабочих, загребая очередную лопату земли да пугливо озираясь, словно опасаясь призраков. – Даже страшно.

– Не воронье это, – уточнил дед Матвей. – Грачи. Недалеко тут грачевник-то, ага.

– Чего ж они... поумирали разом? – спросил второй рабочий, потом достал из кармана пачку сигарет и закурил.

– Кто их разберет, – Матвей поразмыслил немного и, найдя вполне разумное объяснение, добавил: – Поди потравились чем.

Курящий рабочий принялся кашлять, довольно сильно – буквально выхаркивал наружу содержимое своего горла. Дым от сигареты шел какой-то излишне вонючий, едкий больше обычного, и вся она при сгорании покрывалась серозными пятнышками, которых вообще-то быть не должно. Мужчина отбросил окурок к соседней могиле, поборол кашель и задохшимся голосом произнес:

– Отсырели что ли. Фу, как саднит!

– Ты бы поостерегся, – предупредил его сослуживец. – Мало ли, чем птицы-то отравились. А ну, как оно и теперь в воздухе?

Вскоре они сровняли аккуратный холмик да воткнули в изголовье деревянный крест.

А люди в селении стали между тем несмело выбираться из своих домов, осматриваться – не только кладбище, но и всякий двор оказался усеян птичьими телами с раззявленными от смерти клювами, да осыпавшимися с этих тел перьями. И пополз по деревне вместе с тучами страх – невидимое, крадущееся проулками животное, которое влажными, холодными своими щупальцами пробиралось в каждую душу, терзало ее, заставляя сжиматься в тугой узел, а на хвосте несло множество нелепых, но жутких слухов. Старухи все больше гневом божьим страшали, а те, кто помоложе, настаивали на отравлении, связывая происшествие с заводом или добычей руды. И это было даже страшнее, чем гнев божий: Бог-то, поди, погневался на чад неразумных, предупредил их о силе своей да хоть какое-то время определил для искупления грехов, а ядовитый воздух так просто чистым не сделается, можно надышаться и умереть. Иные поговаривали, будто это специально народ травят, чтоб людей не осталось и можно было

добычу развернуть пуше прежнего, жилые постройки снести да под ними все до основания перерыть.

Некоторые, наслушавшись, повязки на лица натянули, из марли и ваты. А кто подходящих материалов не нашел – обматывали рот и нос шарфом.

Позже стали кашлять – не сильно, зато повально, отчего паника только усилилась.

Стали допытывать рабочих, которые на берегу озера котлован под завод готовили – те и сами не особо что понимали, посоветовали идти к разрушенному склону, где добыча велась. Кто-то заметил, что рабочие без повязок ходят, но не кашляют – это породило новые слухи, мол, местных и правда намеренно травят, а сами чужаки противоядие приняли.

– Вы поглядите на них! Народ морят и хоть бы хны! – воскликнула какая-то старуха, подняв волну негодования.

Тут же произошла стычка, но прекратилась быстро – воспоминание о тракторе, пущенном на толпу, было еще живо в памяти.

У разрушенного склона трудилось совсем немного людей, все угрюмые, неразговорчивые, будто провинились чем. Делегацию от деревенских они встретили неохотно, но, поняв, что избавиться от надоедливых жителей не удастся, направили их к бригадиру.

А бригадир пояснил, что позавчера, во время взрыва породы, случайно подорвали еще и резервуар с горючим, из-за чего произошел выброс сернистого газа. Ядовитое облако ветром тут же отнесло на запад, к грачевнику. Там оно осело, наткнувшись на кромку леса, яд попал в гнезда и на деревья.

От подобного известия жители зашумели, заволновались, но бригадир кое-как их успокоил, указав на то обстоятельство, что рабочие никакой химзащиты не носят – настолько слаба опасность, – и что даже птицы не умерли бы, если б сразу снялись с насиженного места, а не пробыли в пропитанных ядом гнездах двое суток. Та же старуха, что возмущалась у котлована, начала причитать плаксивым и дребезжащим от старости голоском:

– Ой, что же с нами будет, что будет...

– Да ничего не будет, – уверил бригадир. – Пару дней покашляете и все.

– Чего ж рабочие не кашляют? – спросил еще кто-то из деревенских. – Вы им противоядие раздали, а нас заморить хотите!

Бригадир добродушно засмеялся от нелепости такого предположения и ответил:

– Мы ведь люди привычные, полжизни всяким таким дышим.

Объяснение это многих удовлетворило – все же звучало оно разумно, а жители не настолько были напуганы, чтоб разума лишиться. Долго гадали, почему птицы не покинули грачевник сразу. Одни говорили, мол, они и не почувствовали ничего, а как агония началась – взмыли в небо, ринулись к горе как к самому явному ориентиру, но от смерти улететь не успели да так над селением по очереди и умерли. Другие утверждали, что грачи не смогли бросить своих птенцов, которые уже потихоньку вылуплялись, да и деток, спрятанных под скорлупкой, им жалко стало, вот и не бросали гнезда до последнего. Вообще люди склонны приписывать животным некое благородство, потому вторая версия в конечном итоге всем пришлась по вкусу. Но, справедливости ради, запаха ядовитых испарений в воздухе не ощущалось, и если бы не массовый падеж птиц – жители деревни тоже сидели бы спокойненько по домам, кашляли да грешили на весеннюю простуду. Может, и птицы так – не знали да не ведали, что уж мертвы заранее...

После недолгих споров грачей решено было собрать и захоронить где-нибудь за горой, а то теплеет день ото дня, того и гляди, разлагаться станут.

Их совками или лопатами – уж кто что принес – складывали в большие холщовые мешки, предназначенные для хранения зерна и картофеля.

Вывозили на машине Андрея – того самого юноши, который когда-то имел недолговечную связь с покойной Лизаветой и у которого наряду с Радловым была машина. Старенькая развалюха с ржавыми звездочками на поверхности кузова, но на ходу. Полные мешки сваливали в багажник, за раз по два. Всего получилось пять с половиной мешков, и съездить надо было три раза.

Поехали сам Андрей, за рулем, дед Матвей, которому пришлось в тот день поучаствовать во всех вообще погребениях, и одна женщина из местных, на заднем сидении. Больше никто в помощь не отправился – одних жены не пустили, сказав, что птиц по всей деревне собрать и так большой труд, и мужья их не за тем живут на свете, чтоб их зазря припахивали; другие сами отказались, бесплатно ямы копать никому не хочется.

Путь был близкий, но из-за неровностей рельефа машина продвигалась медленно – то на камне подскочит, то на откосе заваливаться начнет.

– Голод, выходит, будет, – начал дед Матвей, не желая ехать в тишине. – На будущий год.

– Отчего же голод, дед Матвей? – поинтересовался Андрей, сосредоточенно глядя вперед и объезжая очередную рытвину.

– Да оттого! Грачи – птицы полезные, вредителей с поля поедают. А нынче всякая гнида расплодится. По осени соберем мало – вот и думай, чем зимой питаться.

– Неужели от вредителей избавиться нельзя? Химия вроде от насекомых хорошо помогает.

– Ну ее, химию твою, – старик махнул рукой, потом по привычке пожевал свои губы, собираясь с мыслями, и начал о другом: – На похороны Лизы почему не пошел? До сих пор, что ль, в обиде на нее?

– Не в обиде, а так, – уклончиво ответил Андрей. – Родителям глаза не мозолить, горе у них.

– Ага, – старик вдруг опечалился, громко вздохнул и дальнейшее протянул с назидательной интонацией: – Много у Лизки ухажеров-то было. Не пришел ни один. Ты-то мог хоть прийти, помочь, на тебя ни Тома, ни сам Радлов зла никогда не держали. Да и вообще хорошо относились...

– Они ко всем хорошо относились, – подала голос женщина с заднего сидения. – Им ее сбegrить хотелось, жениху какому на шею посадить. Ну... вот и сбegrили!

– Ты чего это, соседка? Нехорошо так говорить. Нельзя! – дед погрозил ей пальцем, но не шутил, а совершенно серьезно, стараясь придать лицу грозное выражение. Грозного выражения не вышло, только морщинки собрались складками на лбу и около рта, и стало лицо жутко старым да каким-то жалостливым. – Тамара вон совсем никакая. Горе же страшное, не приведи никому. А ты!

– Да что я? – не унималась женщина. – Дочь надо было воспитывать. Почти моя ровесница, немного ведь до тридцатки не дотянула, а так и не знала, чего хочет.

– Помолчи уж! Умная нашлась, ага.

– И верно, – осторожно поддержал Андрей. – Об умерших плохо не говорят.

– Я плохо и не говорю! Она разве виновата, что ее воспитанием обделили? Но Тамара-то должна была на нее влиять. Серьезно, дед Матвей, они ребенка спихнули на Луку, а он к их семейству вообще никаким боком не причастен, и ферму себе обустроивали. Вот дочь и выросла, царствие ей, конечно, небесное...

– И злая же ты, Ирина! – с осуждением сказал Матвей. – Увела кого у тебя Лиза, что ли? – он тут же продолжил, не давая собеседнице возможности ответить: – А коли и так! Девочка умерла, в семье горе, а ты все одно. Злой язык.

Женщина позади вся как-то обмякла, вжалась в сиденье и больше уж не заговаривала. По возвращении ехать во второй заход она отказалась.

– Чего взъелась? – недоуменно спросил Матвей, как только тронулись с новыми двумя мешками (прошлые два выгрузили на пустыре за западной расщелиной).

– Да на Лизу обиду затаила. Она же на Илью глаз положила, хоть и старше его, а тот Лизавету выбрал.

– А ты-то сам давно к Илье заходил?

– Ох, давно, дед Матвей.

– Тоже, что ль, из-за Лизки рассорились?

– Не ссорились мы, просто общаться прекратили.

– Вам делить уж нечего и некого, зашел бы. Дружили ведь. А то что – деваху не поделили, и ага, конец дружбе?

– Не в том дело, – машина запнулась колесом о камень и пошла в гору, так что Андрей говорил прерывисто, отвлекаясь на управление. – Я слышал, он в петлю влез. Слабость проявил, получается. Так только слабые люди поступают. К тому же, он вечно телился, когда его отец в столицу посылал. Нет, не нужны мне такие друзья.

– Чего это? – не понял старик.

– Я ведь уехать отсюда хочу. Жизнь налаживать как-то надо. У нас тускло все кругом, и возможностей никаких. Так что я непременно уеду! А такие друзья только в омут тянут, хуже пьянчуг. Помочь – всегда пожалуйста, если приспичит, но дружить – увольте! Нельзя ведь слабаком быть.

– Больно ты к людям требовательный, – произнес Матвей задумчиво. – Коли он на такое решился – в душе, выходит, гадко. Это, выходит, пожалеть нужно.

Андрей ничего не ответил. Ехали молча что в обратную сторону, что в третий, последний, заход.

Мешки сбросили в кучу на пустыре, не доезжая до грачевника. Здесь тоже земля была сплошь усыпана птицами, но собирать их не стали – за деревней лежат, особого вреда не принесут. Да и место открытое, так что сами как-нибудь на солнцепеке иссохнут.

Андрей вытащил из багажника заранее заготовленные лопаты, одну отдал своему спутницу и принялся рыть. Но почва, сухая и каменистая, почти не поддавалась, так что вскоре он отбросил лопату и предложил:

– Дед Матвей, а может, ну его? Ну шесть мешков! Яму-то не час и не два рыть!

– Что ж, по-твоему, так их оставить? Ладно, эти, – старик указал на разбросанных кругом грачей, – по отдельности лежат, сгниют да в перегной уйдут. А тут коли внутри мешков гнить начнет – за версту вонь разойдется!

– Так ведь помощи никакой! Иришка на тебя разобиделась, а больше никто не поехал. Им лишь бы со своих дворов убрать, дальше не их забота! Мы-то с тобой тоже... не нанимались.

– Люди-то каждый себе на уме, ага, – заметил Матвей, покачав головой. – Только мы уже вызвались, придется доделать.

– Может, тогда в болоте их утопим?

Дед согласился, что утопить груз гораздо легче, нежели под него яму копать, поэтому мешки свезли к лесу, так же, по два за раз, и забросили в ближайшее болото. Серая, неприятно булькающая масса заглатывала подношение медленно, но необратимо, как древнее пресмыкающееся, и совсем скоро от собранных по деревне птиц не осталось и следа – болотная жижа плотно сомкнулась над холщовой тканью, с аппетитом причмокнула и замерла.

Когда возвращались в селение, на въезде встретили Луку – тот пешком шел в сторону грачевника. Андрей остановил машину, не заглушив мотор, так что она хрипло гудела и подергивалась, а Матвей высунулся из оконца и прокричал:

– Не ходи туда! Отрава, поди, еще не улетучилась!

– Да я так, – отозвался путник рассеянно. – Куда ноги приведут.

– Отвезти назад, дядя Лука? – спросил Андрей. – Место есть, позади.

– Нет, спасибо. Пройтись хочу немного

Машина завывла, двинулась и через некоторое время исчезла в расщелине. Лука немного постоял, зачем-то всматриваясь в то место, где только что трепыхался автомобиль – так, словно видел еще его призрачное изображение, – потом замотал головой, отгоняя застывшую картинку, и продолжил бесцельный свой путь.

Он беспокойно смотрел по сторонам, всюду натыкался глазами на черных птиц, и эти мертвые птицы не только отражались на влажной глазной поверхности смутными кляксами, но и задерживались там – настырно лезли в незащищенный зрачок, проникали сквозь его бездну внутрь, в самую сердцевину головы по зрительному нерву, и растекались черным соком, заражая им все мысли. А мысли ворочались медленно, ибо были тяжелы, наслаивались одна на другую и давили своего обладателя неподъемным грузом, так что Лука согнулся в три погибели. Приходилось ему думать о несчастной Лизавете, о том, как воспитанница его умерла, так ничего не поняв о жизни – оттого-то и жизнь ее вышла сумбурной и дикой, огоньком, который вспыхнул случайно и погас так быстро, что даже горсти пепла после себя не оставил – весь выгорел; приходилось думать о своей жалости к Тамаре, с горечью сознавая, что и помочь ей нечем; о Радлове, который рассказами про завод столько страху нагнал, что теперь невозможно глядеть на рабочих без невольного ужаса; наконец (и эти мысли отгонялись в самый дальний уголок, ибо доставляли больше всего мучений), об Илье – вернее, о том, что Илья ни в коем случае не должен узнать, что Лизавета умерла, ведь неизвестно, как воспримет да как себя поведет; конечно, он сидит дома, потому рассказней прохожих или доброжелателей можно не опасаться (доброжелатели-то всюду нос суют!), но что делать с собственным лицом, с выражением его, предательски тусклым и печальным? Вроде и к маскам не привыкать, ибо одну Лука уже носил, хотя невольно – маску лукавой веселости. Много, очень многое позволяла скрыть эта навечно застывшая, перекошенная вправо улыбочка, да разве глаза скроешь, коли в них черные птицы поселились?

Впрочем, с сыном-то обувщик почти не общался в последнее время, и тем себя успокаивал – при необходимости вранья редкие встречи скорее на пользу. И все же было тяжело – на душе тяжело, словно и туда проникли проклятые птицы, и скребутся и трепещут крыльями, оставляя царапины на внутренней поверхности тела.

Так, пытаясь спастись от навязчивых размышлений, Лука добрался почти до самого грачевника, но дальше не пошел – сильный приступ кашля напомнил ему о предостережении Матвея. И действительно, не хватало еще наглотаться отравленного воздуха, слечь да потерять всяческую способность работать, а то и хуже...

«Рано помирать-то. Рано», – сказал Лука сам себе, развернулся назад и быстрым шагом добрался до деревни.

В рабочем поселке происходила размеренная, неприглядная жизнь: опять сновали дети, встречались просто и по-домашнему небрежно одетые женщины. В отдалении слышались гулы и стрекотня, создаваемые стараниями отсутствующих здесь мужей, которые давали жизнь ненасытным механизмам у озера. Солнце склонялось понемногу к закату, опрыскивая небо розоватым свечением. Тучи ушли куда-то совсем далеко, унесли в своей утробе так не начавшийся ливень и разродились им за древней горой – в северной части небосвода можно было разглядеть темное пятно и сверкающие на его фоне молнии.

Дул ветер, какой-то обессиленный и оттого едва уловимый, пахло гарью, и Лука вдыхал гать, откашливался от нее и пробирался вперед.

Обогнул загороженный котлован – там по-прежнему лениво ползала строительная техника, а рабочие из-за надвигающихся сумерек надели специальные каски с прикрепленными спереди фонариками, так что издали, в полутьме, их суэта напоминала полчища спящих вокруг рытвины, перемигивающихся друг с другом светлячков.

Темная поверхность озера порывалась мягкой рябью, от ветра, и была испещрена мелкими танцующими бликами сиреневого оттенка, будто цвет воды и цвет угасающего солнца смешивались между собой, подобно акварели.

Становилось прохладно, но прохлады Лука ничуть не испугался – он был уже около своего жилища. Неспешно поднялся на крыльцо, в последний раз окинул взглядом вечерний пейзаж, разыгравшийся между озером и небесами, отворил дверь и вошел.

В прихожей сидел Илья, перегородив своим стулом путь в комнаты. Он был мрачен, сосредоточенно смотрел себе под ноги, не поднимая глаз.

Лука оторопел, встретив сына почти на пороге, и хрипло, с боязливыми нотками в голосе спросил:

– Ты почему здесь?

– Инна приходила, – ответил юноша сквозь зубы, поднял наконец голову, уставился на отца пытливым и недобрим взглядом.

– Она ведь часто приходит, – Лука заговорил неуверенно, скороговоркой, будто заранее почувал неладное. – Да что случилось-то?

– На родню опять жалуется. Радлов, мол, историю сочинил, будто Лиза умерла, якобы чтоб бабка расперевживалась да слегла с инфарктом или вроде того.

– Ну, – Лука вконец растерялся, – старая она. Совсем старая, сочиняет.

– И где же, по-твоему, Лиза?

– Лиза в.., – Лука осекся. Хотел наплести что-нибудь про столицу, про затянувшиеся поиски, но понял, что пауза выдала его. Надо было срочно что-нибудь сказать, сгладить эту проклятую паузу, но одревеневший от волнения язык не шевелился, а голосовые связки слиплись и отказывались породить хоть какой-то звук, и обувщик стоял у двери с раскрытым ртом, из которого не шли слова, и на сына старался не смотреть.

– Лиза в..? – повторил Илья с вопросительной интонацией.

Тогда отец весь как-то сник, сгорбился еще сильнее и залепетал еле слышно, заикаясь да от нервов бросая фразы на середине:

– У... умерла, это правда. Ты главное не... Ты пойми, Илюша, я же за тебя боялся. А в жизни случается, знаешь, всякое. Вот мама когда твоя... мама твоя тоже... и мне ведь плохо было! А это перетерпеть, перетерпеть нужно...

Но старался Лука зря – себя только в тоску вогнал. Илья, казалось, вовсе ни в каком успокоении не нуждался – известие о смерти возлюбленной он принял не то что с самообладанием, а даже с совершенным безразличием. Поговорили о похоронах, о падении птиц, не покидая тесной прихожей, потом разошлись по разным комнатам.

Необычайная холодность сына Луку и испугала, и обрадовала. Испугала, потому что подобное спокойствие почти граничило с бездушием, со злом, ведь не чужой человек умер (хотя такую реакцию вполне можно списать на обиду); обрадовала, потому что если уж Илью так мало волнует эта смерть – значит, тревожиться за него не стоит, никакого себе вреда не причинит.

Через час совсем стемнело, и ночь вступила в свои права, укутав селение в густую синеву.

Обувщик сидел в боковой комнатухе, служившей ему мастерской, и при свете яркой, бьющей по глазам лампы чинил прохудившиеся сапоги. Работы по весне скопилось немало – на улице сыро, слякотно, с дырявыми подошвами особо не погуляешь.

Только не шла работа – руки отчего-то тряслись, будто с похмелья, подметки приладить никак не удавалось, да и невнятное беспокойство одолевало, копошилось где-то за грудиной таким надоедливым, неугомонным червячком.

Потому Лука скоро забросил обувь, выключил лампу, побродил немного по дому, пытаясь взять себя в руки. В какой-то момент самым краем глаза, в той части, где зрение практи-

чески сходило на нет, он заметил вроде как черную птицу, из тех, что на пустыре лежали, но, обернувшись, ничего и никого не увидел. Вероятно, это в собственных глазах его птички мельтешили – фантомные изображения, не успевшие выветриться за день.

Странно, но это мимолетное видение заставило Луку задуматься о сыне. Он отправился в комнату Ильи, подгоняемый неприятным предчувствием, раскрыл дверь да так на пороге и застыл от замешательства: комната оказалась пуста. У стены стояла неприбранная, никем не занятая кровать, а к спинке ее зачем-то крепилась проволока, образуя некое подобие петли.

Вновь Лука заметался по дому, охваченный диким, первородным страхом, от которого тело мгновенно леденеет – искал сына во всех помещениях и закутках, затем, поняв, что находится в доме в одиночестве, выскочил на улицу.

Туман, рассеявшийся было после полудня, к ночи сгустился пуще прежнего. Воздух стоял влажный и белый, как простыня, и буквально в пяти-шести метрах от себя ничего невозможно было распознать.

Лука осторожно двинулся вдаль, озираясь по сторонам, и почти сразу увидел в некотором отдалении Илью – один лишь знакомый силуэт, вынырнувший из облака тумана. Обувщик окликнул его по имени, но тот не дрогнул, не отозвался и продолжал идти вперед, довольно быстро, однако при этом не раскачиваясь, не совершая характерных для спешной ходьбы движений плечами или руками – так, словно и не шел, а скорее плыл, подвешенный над землей при помощи неведомой силы.

Лука стремительно за ним гнался, только догнать не сумел. Силуэт пропадал время от времени, заворачиваясь в простыню тумана, затем возникал вновь, на прежнем расстоянии. И как ни ускорял преследователь шаг, ни срывался на бег – приблизиться не смог ни на йоту.

Призрачный силуэт привел его к заболоченному месту недалеко от кладбища. Опасной трясины там никогда не было, но место все равно считалось заболоченным, поскольку выходящие наружу подземные воды размывали почву настолько, что в образовавшееся месиво из глины и грязи можно было провалиться чуть ли не по пояс. Марево здесь становилось непроглядным, подпитываемое душным дыханием застоявшейся сырости, каплями оседало на кустарнике, на деревьях, ни лице Луки, без того покрытом холодной испариной.

Деревья кругом стояли хилые, немощные – произрастая внутри древней горы, они рано или поздно достигали корнями каменистой основы, скрытой под слоем почвы. Корни немного точили камень, буравили его наружный слой, но глубже уж не росли, и потому не могли питать чересчур широкий ствол да раскидистые ветви. Оттого дерева были тоненькие, невысокие, а ветви их разрозненно топорщились какими-то скрученными, изломанными клубками, трещали от малейшего ветерка и шевелились, напоминая отростки каких-то диковинных, неприятных насекомых.

Лука пару раз провалился в болотце, вымок, но упрямо следовал за силуэтом, продолжая тщетно звать его по имени:

– Илья! Илья!

А силуэт мелькнул в белесой дымке да вдруг пропал.

В отчаянии плескался Лука в грязной воде, мыкался то туда, то сюда, натываясь на ощерившиеся клубни ветвей, которые враждебно протягивали к нему свои хлипкие, остроконечные отростки-язычки, кое-где покрытые зелеными пятнами нарождающихся листьев.

– Илья! – вопил он истошно, но в ответ слышал лишь трескотню растревоженных деревьев.

Тут что-то как будто вздрогнуло в отдалении. Обувщик ринулся в ту сторону, выкарабкался из вязкой лужи, уловил прямо подле себя, за пеленой тумана, тихий, натуженный скрип, пригляделся и на ближайшем дереве увидел нечто продолговатое и большое, неуместно приделанное к ветке да мерно раскачивающееся, как затухающий маятник. А дерево прогнулось под тяжестью, и неопознанный предмет почти касался земли.

Вскрикнув от ужаса, который родился раньше *узнавания*, где-то вне пределов изможденного разума, Лука подался всем телом вперед, разорвал в клочья белесую завесу и очутился рядом со своей находкой. На худосочной ветке в петле висел Илья, изредка подергивая ногами. Юноша не пытался высвободиться, руки его болтались вдоль туловища совершенно безвольно, лицо было перекошенное, синее и вместе с тем блаженное, так что ноги двигались скорее не от желания спастись, а повинувшись банальному рефлексу.

Лука одной рукой обхватил сына за пояс, действуя молниеносно, но неосознанно, как в лихорадке, чуть приподнял его, чтобы ослабить натяжение веревки, вторую руку протянул вверх, к петле, но от сырости не смог ухватиться – на пальцах остались тонкий слой влаги и неприятное, шероховатое ощущение от соприкосновения с ребристой поверхностью веревки. Тогда обувщик приподнял повешенного еще выше (тот почти перегнулся через плечо своего спасителя, повиснув на нем наподобие восковой фигуры), снова вцепился в узел петли, рванул что есть силы, напрочь поломав без того коротко стриженные ногти, и наконец освободил жертву.

Илья рухнул на землю лицом вниз, безжизненно соскользнув с отцовского плеча. Лука тут же перевернул его, осмотрел синюшное горло, увидел, как по уголкам рта повешенного стекает пена, как рот этот чудовищно широко раскрывается в тщетных потугах возобновить дыхание. Такие же движения совершает рыба, полежавшая немного на суше – она уже умерла, но нервы ее все еще посылают изредка команду вдохнуть, ухватить воздух иссушенным ртом. И рыба хватается, хватается воздух, но глаза ее уже мутны, уже ввалились вовнутрь, увидев смерть и безотчетно желая спрятаться от нее в черепной коробке...

Сердце, впрочем, у Ильи билось. Лука, справляясь с приступами паники и глотая беззвучные слезы, начал оказывать несчастному первую помощь, приговаривая при этом севшим, сиплым голосом, который болезненной и невнятной волной поднимался откуда-то из самого нутра:

– Чего ж ты наделал, Илюша. Ну... чего же ты, а?

Илья в ответ хрипел, глядя на мир угасающим, слепым до всего взглядом. Ноги его и руки заходили ходуном, затряслись, вроде как от судорог – били, били по земле да расплескивали кругом себя воду, разбрасывали комья грязи. А пена изо рта литься не прекращала, и сам рот продолжал по-рыбьи раскрываться и проглатывать куски сгустившегося над болотцем тумана.

Потом юноша задыхался по-настоящему, хотя со свистом – грудная клетка его стала ритмично вздыматься и опадать, подобно включенному садовому насосу. Вот только глядел он так же мертво и тускло.

Отец взвалил его на согбенную спину и потащил ближе к жилым домам. Почти сразу опять угодил в лужу, по колено, но хватку не ослабил и драгоценную свою ношу не отпустил.

Недолго раздумывая, он направился к жилищу Андрея. Ясно было, что на сей раз Илья что-то в себе серьезно повредил, требовалась скорейшая врачебная помощь, а добраться до больницы иначе, как на машине, нельзя. И не в том беда даже, что Радлова из-за смерти дочери беспокоить не хотелось, а просто жил он дальше от места трагедии.

Добравшись до нужного дома, Лука аккуратно положил извивающегося от конвульсий сына на землю, затем принялся что есть мочи тарабанить в дверь, стучать по окнам, кричать, пока хозяин наконец не выглянул – с заспанным лицом и взъерошенными волосами.

– Очумели что ли! Полночь на дворе!

– Илюше плохо. В больницу, – выпалил Лука бессвязно, сквозь тяжелую одышку. – Прошу!

Андрей отошел ото сна, признал в ночном госте перепуганного деревенского обувщика, потер лицо и участливо произнес:

– Сейчас. Дядя Лука, сейчас! – после чего ненадолго скрылся.

Через минуту, а то и меньше, он выскочил на улицу, второпях натягивая куртку, помог донести бывшего друга до автомобиля, уложил его поперек задних сидений, сам залез на водительское место и завел мотор – тот крякнул от натуги, но прогрелся быстро. Лука примостился рядом; был он красный и взмыленный, уголок его вечно натянутой улыбки кривился, загибался книзу, отчего вся левая часть лица тоже поехала вниз, звездочками собирая морщины, а глаза блуждали и зацепиться ни за что не могли.

Выдвинулись тут же. Машина спотыкалась о каждую трещинку в почве, но Андрей скорость не сбавлял, в отличие от дневных вылазок – ни колес, ни подвески было ему не жалко, лишь бы пассажира, занявшего оба задних сидения, живым довести.

– В Город или к шахтерам? – уточнил он на выезде, перед расщелиной. – В шахтерский-то поселок ближе.

– В Город, – сухо ответил Лука. – В поселке больницы нет, врач один.

Объезжали заболоченные участки, плутали промеж деревьев, но потом выскочили на трассу, растянувшуюся вдоль железной дороги, и остаток пути преодолели в каких-нибудь полчаса – Андрей гнал как полоумный, вся машина тряслась и тархтела, будто вот-вот на ходу развалится.

В больнице, на окраине Города, приняли по счастью быстро. Задыхающегося, потерявшего сознание Илью уволокли на носилках, а Лука и Андрей остались ожидать в приемном покое.

Врач вышел к ним довольно скоро.

– Поезжайте домой, – сказал он уставшим голосом, лениво оглядывая посетителей из-под отекавших век. – Положили в отделение, раньше, чем через две недели, не выпишем точно. Навещать по средам, после одиннадцати.

– Что с ним? – поинтересовался Лука и посмотрел на доктора с выражением вымалывающей надежды. Улыбку свою он крайним напряжением мышц сумел подавить, чтобы избежать расспросов от посторонних, оттого лицо побледнело и сделалось страшным.

– Перелом хрящей гортани. И длительное сдавление сосудов шеи.

– А это... очень опасно?

– Перелом-то срастется. А в остальном... – врач задумался. – Ну послушайте, он в петле по всем признакам шесть-семь минут провисел. Это много. Настолько много, что непонятно, как вы его живым доставили. Теперь уж не умрет, не бойтесь, да больше ни за что ручаться нельзя.

– В каком же смысле – ни за что?

– Память. Работа мозга. И прочее, – скомкано пояснил врач и собирался уходить, но Лука задержал его вопросом:

– Вы говорите, шесть-семь минут... точно ли это? Я ведь прямо за ним бежал, он как к дереву-то отправился, я... получается, его почти сразу вытащил.

– Неужели? – доктор недоверчиво сощурился. – И что, видели, как он вешался?

– Нет. Не видел.

– А дело это, я вам скажу, хитрое. Петлю нужно закрепить, место подготовить. Да вы его когда нашли, судороги были?

– Да. Он так, – Лука напрягся, пытаясь восстановить в памяти сцену, разыгравшуюся на болоте, и подобрать точные слова, – так дышать пытался, знаете, очень редко, но глубоко. А воздух внутрь не шел.

– Именно, – врач закивал. – По времени я не ошибся. Вы его с того света вытащили. Причем буквально – парень уж отходил.

Врач громко вздохнул – вероятно, от усталости – и ушел, а Лука без сил опустился на деревянную скамью рядом.

– Дядя Лука, поехали, – полушепотом произнес Андрей. – Правда, ни к чему мы тут.

– Да, да, – машинально согласился обувщик, но продолжал сидеть на месте, уставившись куда-то в одну точку на полу. Взгляд его остекленел, будто прилип к этой незатейливой точке, прилип намертво, и никакой нет возможности невидимую клейкую нить разорвать.

Андрей не знал, что еще можно сказать, поэтому сидел рядом молча и думая о своем. Впрочем, он и не думал особо – промелькнет мимолетная жалость к односельчанину, или вспыхнет радужное и несколько неуместное в больничных стенах мечтание о переезде, но все непрочно, сквозь пелену и вату, ибо опять начало понемногу клонить в сон.

Лука между тем что-то пробурчал себе под нос, так тихо и невнятно, что разобрать было нельзя.

– А? – переспросил Андрей, пробудившись.

– Так я, ничего, – мрачно отозвался Лука, помолчал немного, однако затем продолжил – разум его наконец зашевелился, принялся медленно, скрупулезно пережевывать произошедшее: – Я ведь Илюшу на улице приметил. Звал его, бежал за ним, да он не услышал и не остановился. На болотце-то наше я прямо за ним пришел. Прямо за ним, – эти последние слова обувщик растянул донельзя, словно пропуская из через себя и в самом их звучании выскивая некую тайну. – И помог почти сразу. А тут – шесть-семь минут!

– Бывает, что время от нервов вроде как по-другому кажется, – заметил Андрей, но Лука его даже не слышал и продолжал:

– И верно врач-то говорит: петлю надо закрепить, на дерево залезть, решить, за какой сучок зацепиться. Получается, я когда прибежал – он на том месте как минимум четверть часа провел, коли вместе с подготовкой, – улыбка, доселе сдерживаемая спазмом мимических мышц, вырвалась, расплылась во все лицо морщинисто кляксой, а сам Лука, этой улыбкой вдруг странно изуродованный, огляделся мутно и спросил, ни к кому конкретно не обращаясь: – Вот я и думаю: за кем же я шел?

Глава тринадцатая. Шалый

Весть о том, что сын местного обувщика вновь пытался повеситься и попал в больницу, на следующий же день разнеслась по деревне. Говорили много, но больше не о самом происшествии, а о том, как это перенесет Лука. Почти все сочувствовали ему – мол, у человека и так бед не оберешься, лицо от болезни кривое, жена уж несколько лет как померла, да вот еще к покойной Лизавете он был привязан, не хватало сына потерять. И всякий подобный разговор заканчивался совершенно одинаковым возгласом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.